

Батарейка для арда

Автор:

Яна Ясная

Батарейка для арда

Яна Ясная

Все знают, что этот мир защищают воины-арды. Они почти каждый день рискуют жизнью, сдерживая жутких тварей, жаждущих уничтожить человечество. И все знают, что они имеют особые права. Ард может указать практически на любую женщину, и она должна будет стать для него аккумулятором, источником энергии, которую он возьмет через близость. Вот только Линетт Келли и подумать не могла, что такая честь выпадет именно ей.

Для обложки использована фотография с сервиса pixabay.

Глава 1

Вечно со мной что-нибудь приключается. В детстве котят и щенят домой таскала, теперь вот – мужика...

Ард возник из ниоткуда прямо передо мной. Я, припозднившись до темна, возвращалась с подработки и уже свернула в подворотню к своему дому, когда воздух перед носом сгустился, и Неукротимый Воин вывалился из тут же погасшего перехода, сделал несколько шагов, пытаясь удержать равновесие, и почти уткнулся в меня. И если бы не золотые, слегка обугленные сейчас, но легко узнаваемые всеми нашивки на уцелевшем рукаве, на мой потерпевший визг уже слетелись бы все окрестные копы, а тело – снесло бы звуковой волной.

А так – я только охнула и поудобнее подперла плечом навалившегося сверху мужчину.

– Эй, мистер! Мистер, вы как? Скорую вызвать?

На мой вопрос ард моргнул и, с явным трудом сосредоточившись на окружающей реальности, ответил:

– Нет. Ты живешь рядом?

Я заторможено кивнула, начиная подозревать, что...

Но не очень-то в это веря.

– Отведи меня к себе домой.

Да быть того не может! Тут рядом Арена, там выносливые спортсменки, энергичные фанатки... Мужик, ты явно промазал!

И пока я, судорожно сглотнув, смотрела в глаза выровнявшегося воина, уже более-менее стоящего на своих ногах, он произнес:

– Рэй Харди, личный номер «эй бис 438-75». Предъявляю неотъемлемое право. – И, сделав совсем маленький шаг, вдруг оказался вплотную ко мне, а я только и могла что ошалело хлопать глазами.

В голове заполошно металась одна-единственная глупая мысль: «А мама мне еще говорила, что мужики с неба не па-а-адают!»

Я не могла рассмотреть в темноте его лица, видела лишь, что он высок и плечист. А еще – чужая его запах. От арда пахло гарью, сложной смесью незнакомых, неприятных запахов, смутно ассоциирующихся с оружием и опасностью. Но сквозь эту мешанину я чужая еще один, едва уловимый – и от него у меня слабели ноги, а по телу бежали мурашки.

Воин шагнул в сторону, освобождая путь, и я пошла вперед, чувствуя, как шумит в голове, и как ард, пристроившись сзади почти вплотную, идет за мной следом,

и как-то умудряется не мешать мне идти, и кажется, нюхает мои волосы – и от этого в голове шумит еще сильнее.

– Добрый вечер, – сказала случайно случившейся у подъезда соседке, и приложила к считывающему устройству кодового замка личный браслет.

Соседка кивнула, скользнув по мне безразличным взглядом. Арда она будто не увидела.

Замок замер на мгновение, а затем пискнул, мигнул зеленым огоньком и впустил нас в подъезд. Будоражающий запах вплыл вместе с нами.

В лифте, стремительно полетевшем к двадцать четвертому этажу, стало еще хуже. Теперь я ощущала запах еще отчетливей, и от него становилось тяжело дышать, грудь стала чувствительной и ныла, а внизу живота наливалось тяжестью. Я попробовала дышать ртом, но это не помогло – губы горели, во рту пересохло. Арда, откинувшегося на противоположную от меня стену лифта, я старалась не замечать. Хотя достаточно трудно не замечать того, чье молчаливое присутствие гонит по твоему телу волны горячей дрожи.

Я мазнула его взглядом, а поймав ответный, отвела глаза и сглотнула. Тяжелый и плотный, как будто материальный взгляд, вызвал неожиданный спазм пониже живота.

Лифт, предупреждающе звякнув, открыл двери, и я вывалилась на волю, в тесноту лестничной площадки, и торопливо поднесла идентификационный браслет к считывающему устройству замка. Пискнула система, оповещающая об отключении сигнализации, затем щелкнул отпершийся замок, и я потянула на себя дверь, чувствуя, как дыхание рослого воина шевелит волосы у меня на макушке.

Шаг в тесную прихожую, и меня сгребли в охапку, а чужой рот смял мои губы, породив не протест, а стон удовольствия. Мягко щелкнул замок в двери, отрезая нас от всего мира. Ард подхватил меня под ягодицы, приподнял, и я охотно выгнулась ему навстречу, прижалась бедрами настолько тесно, насколько сумела, и, стиснув его плечи, потерлась грудью о форму. Чужое возбуждение, явно ощущаемое сквозь слои одежды, отзывалось во мне лихорадочной дрожью, предвкушением. Я еще раз потерлась о него всем телом, стараясь перенять на

себя сводящий с ума запах.

Руки воина сжали мои ягодицы, а ловкие пальцы сдернули с меня штаны вместе с бельём, пока я царапала форменный ремень, не в силах сообразить, как расстегнуть тугую пряжку. Видно, ард сообразил, что от меня помощи даже в такой ерунде не дождешься, и отпихнув мои руки, быстро сделал все сам, спустив штаны до колен.

Я, заскулив, выгнулась и прижалась к чужой плоти, извиваясь и всхлипывая.

К черту прелюдию!

Ард прижал меня к себе, ища головкой вход. Я податливо выгнулась, стремясь реабилитироваться, но болтающиеся на коленках штаны мешали. Он, рыкнув, рывком развернул меня к себе спиной и одним ударом вошел в меня полностью.

Я всхлипнула от болезненного ощущения. Видимо, несмотря на бешеную потребность в этом проникновении, я все же не увлажнилась в достаточной степени для таких размеров. Почувствовала, как он замер, упершись во что-то в глубине меня, и требовательно толкнулась бедрами на него.

Плевать на боль, мне надо, необходимо, как он не понимает?! Я вцепилась пальцами в руки, лежащие на моих тазовых косточках, ощутила бьющую его дрожь, созвучную моей собственной и заскулила от острой, болезненной неудовлетворенности. Впилась в его руки ногтями, наказывая за мою муку, и вскрикнула, когда замерший в преступной неподвижности мужчина вдруг сорвался с тормозов.

Первый яростный удар вмял меня в стену. Я, вскрикнув, едва успела подставить руки, а затем толчки обрушивались на меня один за одним, в безжалостном и прекрасном ритме, растягивая меня, заполняя полностью, до упора...

Я вскрикивала на каждый толчок. Прогибалась в спине, чтобы ему было удобнее вколачиваться в меня, чтобы быть доступнее, приятнее – для него. Сосредоточившись на ощущениях в глубине своего естества, с восторгом чувствуя, как подкатывает то самое, неопишное ощущение, предвещающее оргазм. Я замерла, смакуя его, стараясь прочувствовать полностью контраст чужой силы и своего голодного удовольствия.

Мир замер в мучительной неподвижности, нарушаемой лишь рваным дыханием. Предощущение подкатывало. Я сжимала мышцы, стараясь продлить его, усилить – и ухнула в кульминацию с головой, растекшись по стене амебой.оргазмические спазмы захватили меня полностью, отзываясь сладким ощущением в груди, и дрожью в ослабевших конечностях. Мой негаданный партнер джентельменски переждал мою разрядку. Отмер – и в несколько свирепых толчков, снова вмявших меня в опору, догнал меня, поприветствовав собственный оргазм хриплым выдохом.

Я обмякла, навалившись расслабленным телом на стену, и только удивленно оглянулась, когда ард подхватил меня на руки, и понес – а опустил уже на мою собственную постель. Я вытянулась на животе, взбрыкнула ногами, скидывая левый ботинок – правый потерялся в моей крохотной квартирке где-то по пути. Шевельнув ногами, попыталась стянуть с себя джинсы, но их с меня любезно сдернули.

Тянуть дальше стало невозможно. Я перевернулась на спину, и откинув с лица спутавшиеся рыжие волосы, уставилась на арда, нежданно-негаданно свалившегося мне на голову со своими ардовскими правами и привилегиями.

Рослый, темноволосый. Высокий и массивный – мне не показалось там, в подворотне. Прямой нос и чувственные губы. Не то чтобы красивый – но грубовато-гармоничный. Взгляд открытый и спокойный – ни стыда, ни беспокойства. Даже маслянистой похоти при взгляде на меня – и той нет. Темные омуты, а не глаза. Серая вода. И под этим взглядом меня вдруг отпускает. Я поступаю так же, как он – я разрешаю себе перестать бояться. Стесняться. Стыдиться.

Я разрешаю себе не страдать. Не маяться угрызениями за то, от чего любой приличной девушке следовало бы сгореть от стыда.

Потому что его Право, мой Долг – это конечно все хорошо, вот только отдавалась я ему только что так, что и гуляющие кошки уважительно уступили бы мне первое место на пьедестале...

А и плевать!

Удивительный все же мужик, – успела я отметить про себя. Вот смотришь и понимаешь – этот не выдаст. Никто ничего не узнает. Можно вести себя как угодно распущенно. Можно отпустить себя на волю, и быть неприличной, дикой...

Пока я пялилась, ард успел сбросить драную форму и, оставшись в одной цепочке с двумя плоскими прямоугольными пластинками на ней, шагнул вперед. Я дернулась – и тут же покорно обмякла, придавленная к матрасу тяжелым телом. Мои руки, судорожно стиснувшие простыни, были подняты над головой, и широкие мозолистые ладони нырнули под маечку и медленно поползли вверх, задирая ее, собирая белыми складками, контрастными на фоне смуглых рук...

Я сглотнула.

Маечка моментально оказалась задрана до подбородка, кружево бюстгалтера – там же, и в грудь впился жадный рот.

Поцелуи? Ласки?

Как бы не так!

Этот жадный рот, кажется, вознамерился мою грудь сожрать.

При полном моем попустительстве.

Моя голова металась по подушке, спутывая волосы, а руки позабыли, что им велено было смирно лежать над головой. Они, устав терзать несчастную простынь, вцепились в короткие волосы и то гладили их, то дергали, то прижимали темную голову теснее, то пытались оттолкнуть ее, когда болезненное, остро-сладкое удовольствие становилось невозможно вынести.

Я хрипло стонала, совсем позабыв, что не люблю, когда с нежной кожей соприкасается грубая щетина.

То ли эта щетина касалась чувствительной, возбужденной груди как-то по-особому, то ли я плохо себя знаю!

В какой-то момент ард поймал мой взгляд и, ухмыльнувшись, встал на колени между моими бедрами. Не отводя глаз, подхватил меня под коленки, потянул на себя – и закинул мои ноги себе на плечи. Я смотрела на него – увлеченного, возбужденного... бессовестного! Смотрела, широко распахнув глаза, и не могла разорвать взглядов.

Я смотрела ему в глаза, когда широкие ладони с грубой, шершавой кожей скользили по моим бедрам вниз. Смотрела, когда его руки подхватили меня под ягодицы и приподняли, выгибая так, как удобно ему. Смотрела, когда почувствовала, как горячая головка касается влажных, припухлых половых губ. Когда она мягко растягивала вход...

Смотрела – хотя в таком положении мне было неудобно держать голову приподнятой, но я смотрела. Я хотела видеть его лицо. Я хотела видеть, как меняется его взгляд, когда он входит в меня – на этот раз неспешно, похотливо. Я хотела видеть, как удовольствие искажает его лицо, когда я подаюсь ему навстречу, пока он входит – и сжимаю мышцы, пытаюсь удержать, когда он выходит.

Я хотела видеть, как он выгибается при толчках – и как закрывает глаза, и темные ресницы отбрасывают длинные тени на скулы...

И только тогда я откинулась на кровать – и ощутила, как лопнула пружина чужого терпения.

Толчки стали бешеными, рваными, меня мотало под их напором по постели. А я только подмахивала и, задыхаясь, приговаривала:

– Еще, еще... Сильней!

Напористые движения, непристойные звуки. Возбуждение, затопившее по самое горлышко. Горячее тело, влажное от пота. Твердая плоть, заполнившая мою.

Толчки.

Предвкушение.

Мой пик. Его хрип – и ощущение горячей влаги, пролившейся в меня.

Он позволил мне опустить ноги, и я блаженно вытянула натруженные конечности, чувствуя, как приливает к ним кровь. И как пульсирует она в... везде.

Тяжелое мужское тело навалилось сверху и почти сразу любезно сдвинулось вбок.

– Я под временной стерилизацией. И здоров. Справку о медосмотре скину на твой терминал.

Ой, да пожалуйста!

Как будто кто-то не знает, что воины-арды подвергаются тщательному государственному уходу и не бросают свое семя где попало.

Я вяло пошевелила ступней, давая понять, что услышала, приняла к сведению и вообще... безмерно ликую – только отвали, злыдень, не видишь, девушка устала?! Всё бы вам разговоры разговаривать...

Злыдень хмыкнул и послушно отвалил. Встал – матрас облегченно скрипнул, выправляясь – и куда-то ушел. А я блаженно выдохнула и раскинулась на кровати, расслабленно ловя остаточные отголоски удовольствия.

А потом на кухне хлопнул дверцей холодильник и расслабленность с меня как ветром сдуло!

Кое-как прикрыв срам простыней, я резвой зайкой рванула на кухню, спеша проверить Ужасное Предположение.

– Ты сожрал мою еду?! – горестно возопила я в широкую спину, которая единственная была видна из моего холодильника.

– Кто-то сделал это до меня, – хмыкнул ард, выныривая из белых глубин. – Нет там никакой еды!

И, захлопнув дверцу, ушел в комнату, оставив меня на тесной кухоньке одну как-то справляться с этим ударом.

На всякий случай я все же заглянула в холодильник сама, не желая верить в худшее, и оказалась права – два яйца, полторы сосиски и начатая пачка йогурта были на месте.

От сердца отлегло.

Все знают, что наш мир находится на границе нестабильной зоны, на стыке двух версий реальности. Свою мы зовем Ольгейрой, а ту, вторую – Изнанкой, и населена она... а кем только не населена. В школе на уроках естествознания нам показывали проекции, да и общее представление давали – выходило, что обитатели Изнанки твари сплошь неприятные, хотя весьма контактные и человеколюбивые, чего не отнять – того не отнять. Если бы еще не гастрономический оттенок их приязни – и вовсе было бы хорошо.

Для обитателей Изнанки Ольгейра – пастбище, по которому гурьбой гуляют вкусные, сочные куски мяса в не требующей обдиранья оболочке.

Стык миров – понятие лично для меня расплывчатое, и в обиходе зовется попросту Гранью. Представить её (а побывать там – и подавно) большинству обывателей не дано. И слава богу, в общем-то – потому что ребята с Изнанки туда как раз заглядывают. Рвутся они туда, как будто им там медом намазано. И к нам рвутся.

Иногда – и прорываются...

Наш мир защищают воины-арды. Неукротимые Воители, способные существовать на Грани и противостоять тварям Изнанки. Почти каждый день они рискуют жизнями, защищая спокойную жизнь обитателей нашего мира. И все знают, что они имеют особые права. В их числе – Неотъемлемое Право. Ард может указать практически на любую женщину, и она должна будет стать для него аккумулятором, источником энергии, которую он возьмет через близость.

Знала об этом и я. Но... До Изнанки далеко, до ардов высоко. Неукротимые Воины не пользуются услугами случайных девчонок с улицы, если только не прижмут непредвиденные обстоятельства. Они заключают контракты с самыми

подходящими. И уж поверьте – желающих всегда с избытком, так что из подходящих они выбирают самых красивых, самых ярких, самых-самых.

Что в очередной раз доказывает – арды хоть и Неукротимые Воины, а все равно мужики. А еще возвращает нас к началу рассуждений – знать-то про их права я знала, просто никогда не примеряла подобной ситуации на себя и не тянулась за соискательницами. У меня своя стезя – университет, практика и потом, когда диплом будет в руках, работа. Может, и не слишком любимая, но уважаемая и надежная.

И меня все устраивало.

С финансами, правда, у меня нынче было грустно и печально. Ближайший платеж за подработку будет через два дня, стипендия и вовсе через неделю, а срок внесения квартплаты уже на носу. Добрая квартирная хозяйка усмехнулась и пообещала дожидаться стипендии, но все равно...

Я открыла холодильник, окинула скорбным взглядом свои скромные запасы на два дня, вздохнула и громко спросила в направлении комнаты:

– Ты есть будешь?

– Буду, – отозвался ард у меня над ухом.

Я от неожиданности вздрогнула, и упустила дверцу холодильника.

– Сейчас, курьер доставит, и буду!

В руках у него был терминал. Мой. Личный. Терминал.

Сердце ёкнуло. Нет. Нет-нет-нет, он не мог этого сделать.

Ведь не мог же, правда?

Я вглядывалась в наглые серые глаза и понимала – мог!

Переместив взгляд на свое средство связи, я увидела, как медленно тает ярко-оранжевая надпись «Ваш заказ находится в обработке», и на ее место выплывает окошко, выполненное в том же дизайне «Ваш заказ принят, ожидайте доставки». Судорожно отыскав графу «Сумма заказа», я задохнулась ужасом.

Сколько?

Он что, всё это собирается сожрать?!

Да это же... Это же половина моей квартплаты!

От осознания, в какой кредит меня вогнал прожорливый ард (а до стипендии по-прежнему неделя!), со мной приключилось помутнение сознания, руки мои стиснулись, будто сжимая в пальцах чью-то шею, и, впав в боевую ярость, я бросилась на мерзавца.

Вместо того, чтобы испугаться (или, по крайней мере, вернуть мне терминал), разорившее меня чудовище расхохоталось и отступило в комнату, подняв гаджет над головой и дразня меня его обманчивой доступностью.

Минуты, в которые еще можно успеть отменить заказ, неотвратимо утекали в Великое Ничто.

– Отдай мой терминал, – захлебываясь рвущимися на волю бранными словами, бесновалась я.

Но вместо этого, злодей только покрутил им у меня под носом и отдернул руку.

– Отдай сейчас же! Ты... Ты не имеешь права!

– Вот еще! В экстренной ситуации я имею право требовать любую помощь от гражданских, и использовать все доступные ресурсы, – веселился ард.

И это, к сожалению, было сущей правдой.

Я сдулась, насупилась и прекратила бесполезные (и противозаконные, как оказалось) попытки.

В конце концов, за связанные с ардом труды система предлагает существенную компенсацию, и все затраты мне возместятся, но... Это будет еще когда!

А в неприличный и необоснованный кредит я влезла уже сейчас. И как я буду объяснять квартирной хозяйке, что заплатить ей пока не могу, потому что в первую очередь с моего счета спишут вот эту задолженность?

Видимо, придется все же одалживаться у родителей, а ведь так не хотелось. Я только-только наладила свою жизнь так, чтобы ни у кого ничего не просить, а теперь опять начнутся разговоры, что ни к чему мне жить на квартире, это бессмысленные траты, и мне следует вернуться домой...

– Кстати, рыжая, миленькие веснушки! – вмешался в мои размышления веселый голос.

Я захлебнулась возмущением – да как он... Да что он себе позволяет!

– И си... грудь отличная, – хладнокровно продолжил ард, как будто не замечая моего гнева.

Я поперхнулась, и предпочла сделать вид что не заметила второй реплики, только подтянула повыше простыню.

– Нет у меня никаких веснушек! – рыкнула я и подпрыгнула, пытаюсь воспользоваться эффектом неожиданности и отобрать у мерзавца терминал.

– «Нет» и «Я их замазала» – это немножко разные вещи, детка, – ухмыльнулся мужчина, поднимая вожаделенную цель повыше и позволяя мне прыгать вокруг себя. И с явным удовольствием добил: – Но кое-кто недавно занимался активными физическими упражнениями, потел... Так что – миленькие веснушки, рыжая!

Свирепо зарывав, я крутанулась на пятках и сбежала в ванную, к зеркалу. Так и есть. Косметика, не выдержав неравной борьбы с ардовским темпераментом,

пала, и из зеркала на меня смотрела я – в веснушках и разводах тональника. Кареглазая, встрепанная и злющая, как кошка, которую сунули в воду. И рыжая, чего уж там...

Вздыхнув, я вытащила из шкафчика за зеркалом молочко для снятия макияжа, ватные тампоны и ликвидировала остатки потекшего безобразия.

А если ард посмеет хоть словечко про мои веснушки сказать, то ух я ему!

К тому моменту, как домофон пискнул, оповещая о приходе курьера, я успела натянуть маечку и домашние штаны, а волосы завязать в небрежный хвост. Вид не то чтобы потрясающий воображение, но всяко лучше, чем девица в простыне и разводах косметики!

Окинув себя в зеркале контрольным взглядом, я убедилась, что выгляжу более-менее прилично, и ринулась к входной двери. В глубине души я лелеяла надежду, что сумею договориться и с ардом, и с курьером. Если оставить от заказа хотя бы четверть – то, возможно, удастся обойтись без обращения к родителям.

Если бы я принимала доставку такого большого продуктового заказа – я бы провела курьера на кухню, и там по списку с сайта отмечала бы наличие каждой позиции.

Ард такими мелочами не заморачивался.

Когда я выглянула из ванной, он уже ставил размашистую подпись в бланке заказа.

Я понуро шагнула вперед, смирившись с финансовым крахом и готовясь оплатить счет, но меня легко и небрежно перехватили и прижали локтем. И пока я возмущенно трепыхалась, ард с каменным лицом велел курьеру:

– Набери это, – и продиктовал ему сложную комбинацию с октоторпами, астериксами и переходами от цифр к буквам.

Курьер, сначала раскрывший рот в явном намерении качнуть права, под невозмутимым взглядом арда увял и послушно делал, что велено.

Я устала висеть, зажатая цельнометаллическим локтем, брыкнулась, пнула арда в щиколотку, пихнула кулачком в ребра – но, получив свободу, не торопилась уходить. Здесь происходило что-то явно чрезвычайно любопытное.

Правильную последовательность паренек из доставки набрал только с третьего раза, и когда подтвердил ее клавишей ввода, умная машинка ненадолго замерла, потом мигнула – и перезагрузилась. А после загрузки на экране, ставшем чисто-белым, оказалась одна черная рамка с мигающим в ней курсором.

Ард забрал у парня платежник (вот уж любитель полапать чужую технику!), ввел какой-то номер. Терминал еще раз мигнул, сожрал данные и снова засиял яркой белизной в черной рамке. Еще одна сложная комбинация символов – и через некоторое время машинка разродилась длинной лентой чека, а после снова ушла в перезагрузку. Ард дождался, пока чек распечатается до конца, оторвал первый экземпляр, и вернул озадаченному курьеру его оборудование.

Кажется, парень даже не подозревал, что его терминал умеет откалывать подобные номера.

Я, по крайней мере, так уж точно.

– Быстро они, – одобрительно прокомментировал ард, когда за курьером закрылась дверь.

Я закатила глаза:

– Еще бы не быстро, маркет расположен в нашем доме!

И, фыркнув, ушла в комнату, демонстративно не обращая внимания, чем он там занимается и всем видом давая понять, что раз мои финансы вне опасности, то все остальное меня ни капельки не интересует.

Вот ведь упырь, а? Что ему стоило прямо сказать – не волнуйся, добрая хозяйка, за меня платит система! Так нет же, изгалялся...

Я тяжело вздохнула и, строго напомнив себе, что это не мое дело, прислушалась к происходящему на кухне. Там хлопала дверца холодильника, стукали ящики и доносились другие, неидентифицируемые звуки. Любопытство глодало с неистовой силой.

Я не буду совать нос не в свое дело.

Я не пойду смотреть, что там делает ард.

А, черт возьми, в конце концов, это мой дом, моя кухня, и я имею право знать, что здесь творится!

Впрочем, ничего особенного не творилось – ард заканчивал закладывать продукты в холодильник, и я не удержалась, поддела:

– Наши отношения так стремительно развиваются! Мы уже делим полочки в холодильнике! Того и гляди, до знакомства дойдет...

– Как тебя зовут? – с невозмутимым видом спросил ард. Только в серых глазах мелькнули и пропали черти – и в животе у меня почему-то ёкнуло.

– Воу, парень, полегче! Я пока не готова к таким решительным шагам! – возмутилась я и уплыла в душ, победно вильнув попой перед ардовским носом, с приятным чувством оставленного за собой последнего слова.

Несмотря на грозную славу Неукротимых Воинов, я его почему-то совершенно не боялась.

...ровно до того момента, как дверь в тесную душевую кабину отворилась, и моему взору не предстал осмеянный мной ард, во всем своем грозном великолепии, жаждущий реванша и водных процедур.

От штанов, надетых перед визитом курьера, он уже успел избавиться, и теперь стоял передо мной полностью обнаженный.

Я вдруг сообразила, что впервые его как следует вижу. Раньше мне все как-то было не до того... Широкая безволосая грудь, с твердыми даже на взгляд

мышцами, поджарый живот, темная полоска волос, убегающая от пупка вниз...

Я поспешно перевела взгляд выше, делая вид, что вовсе и не смущаюсь, а покраснелась от горячей воды, да-да!

Он с каменной физиономией (и эрекцией!) шагнул ко мне. Черты во взгляде играли уже не таясь.

- Не...

«Мы не поместимся!», хотела сказать я, но ард уже подпихнул меня крепким бедром и втиснулся сам.

Что сказать... Помыться нам вряд ли удастся. Между нами не то, что мочалку не просунешь, между нами даже вода вряд ли протечет!

Когда ард начал предпринимать решительные действия в известном направлении, я только пискнула.

- Он не...

«Он для этого не предназначен», - хотела сказать я, но тут ард вошел в меня, и так глубоко, что член, кажется, достал до мозга, отчего высшая нервная деятельность свелась к попыткам не голосить на три этажа, как минимум.

Остатков благоразумия хватило на то, чтобы заткнуть себе рот, впившись во вкусное плечо, вогнать ногти ради устойчивости (и только ради нее!) в горячую мокрую спину - и всё.

Разум откозырял, передавая управления рефлексам и инстинктам, и мне стало наплевать на всё, кроме ощущения тугой плоти, движущейся у меня между ног.

Когда в стену заколотили, я могла бы сказать: «Я же говорила!», но я не говорила.

- Ли! - надрывался противный склочный сосед за стеной. - Если твой хахаль развалит душ, чинить будешь за свой счет!

Ард поднял голову в сторону звука:

– А если ты не заткнешь пасть, то я и тебя от башки до задницы развалю! – низкий рык растекся по помещению и затих, оставив ощущение мурашек на моей коже.

Когда прошло несколько секунд, а сосед так и не посмел подать голос, вняв на диво убедительной угрозе, ард перевел взгляд со стены на меня, и уверенно, так по-хозяйски, толкнулся вновь, что я только тихонько всхлипнула, без слов умоляя его продолжать.

Душ я покинула нескоро – мой гость уже ушел, а я еще долго отмокала под горячей водичкой, нежась и приходя в себя, и вышла из него довольная, расслабленная и в состоянии, близком к нирване.

Руки-ноги налились приятной тяжестью, в голове блаженно звенело, обессиленное тело то ли шло, то ли плыло, и в пространстве меня вели не банальные пять чувств, а божественная интуиция, наверняка. Потому что ничем другим мне не объяснить, как я ни во что не впилилась. Миновав, не иначе как чудом, углы и предметы мебели, я пришла на собственную кухню, и там меня ждало потрясение. Просто удар под дых, в самое уязвимое место женской души.

Ард готовил.

Одеться при этом он не посчитал нужным, и поверх темных трусов-боксеров на нем был только мой кухонный фартук, завязанный абы как на бант. Лямки банта небрежно свисали на крепкую задницу. Вот на эту-то картину я и уставилась, чувствуя, как меня покидают остатки разума и адекватности. Здравый смысл проскользил взглядом по мужским ногам (Ровным! Матка бозка, да они у него ровнее, чем у меня!), по шикарной широкой спине и стек в обморок куда-то в промежность, обрушившись прямо на либидо, которое мирно спало, полностью удовлетворенное, но под этим грузом снова заворчалось.

Умопомрачительный запах жарящегося мяса наносил по моей ранимой девичьей психике последний добивающий удар... Судорожно сглотнув, я поплотнее завязала поясок банного халата.

Держи себя в руках, Ли! Помни: он тебя имеет – ты его кормишь, а никак не наоборот!

Неверным шагом я прошла к любимому месту за столом и села. Ослабевшие ноги не держали.

Сбоку ард выглядел ничуть ни хуже, чем со спины: гордый профиль, сосредоточенное выражение лица человека, творящего колдовство...

Меня бросило в жар, нестерпимо захотелось обмахнуться... Держи себя в руках, Линетт!

Горяч, мерзавец!

На стол передо мной опустилась тарелка, а на нее сверху уверенно шлепнулся здоровенный кусок мяса. Ароматного. Истекающего нежным соком.

Я сглотнула, провожая взглядом мужские руки, ловко орудующие ножом и лопаткой...

Извращенка Линетт Келли! Держи себя в руках! Взгляд – в тарелку, и ешь свое мясо!

И, ради всего святого, постарайся молчать!

А если это не в твоих силах, то говори о чем-нибудь безопасном.

Ард шлепнул второй стейк на тарелку, ступней подцепил спрятанный под стол ради экономии пространства стул и, оседлав его, невозмутимо принялся за еду.

– А чем от тебя пахло? – сдалась я, поняв, что неверно оценила меру своих возможностей, когда приказывала себе есть молча. – В лифте и раньше, на улице?

Ард, деловито орудовавший столовыми приборами, хмыкнул. Во взгляде, который он на меня бросил, мелькнуло и спряталось веселье.

Я свирепо сверкнула глазами на насмешника и сходила за терминалом. Устроилась на своем месте и демонстративно, с видом «не очень-то мне и нужны твои пояснения», собралась искать ответ в сети. Покачав головой на мою неугомонность, нечаянный гость сжалился и признался:

– Феромоны. Это защитный механизм моей расы. Когда ард оказывается в состоянии энергетического истощения, в присутствии потенциального энергетического партнера наша эндокринная система начинает вырабатывать их в бешеном количестве, провоцируя у потенциального донора выброс половых гормонов. Это аварийная система, она не работает, когда энергетический баланс в норме, – он улыбнулся мне то ли извиняюще, то ли сочувственно. – И мы не можем запускать ее сознательно. Так что, не переживай – никто не воспользуется тобой, ввергнув в пучину страсти против воли.

На эту фразу я оторвалась от стейка, который увлеченно ковыряла под познавательную лекцию, и вытаращила глаза на рассказчика.

Где он подцепил эту фразочку?!

Ард шкодливо улыбнулся, довольный произведенным эффектом, и я демонстративно закатила глаза. А про себя подсадовала – ну надо же мне было так легко повестись на подначку!

– Кстати, если тебе интересно, по силе отклика можно спрогнозировать, насколько успешной будет энергетическая связка, – невинно обронил он, и я наострила ушки.

Но мерзавец замолчал и вгрызся в свой ужин с таким усердием, что я заподозрила – он дразнится. Хочет, чтобы я начала выпрашивать, успешной ли оказалась связь со мной, и... и...

И не буду я ничего спрашивать! Вот еще! Мне, между прочим, совсем не интересно!

– Так они же ничем не пахнут, феромоны? – спросила я вместо того, чтобы поддаться на провокацию.

– Слушай, тебе правда так важна химия этих процессов? Просто я сам не очень в теме, я, как бы это сказать... практик, а не теоретик!

Я кивнула с умным видом и сунула в рот кусок мяса.

...умру от любопытства – будет знать!

Так я и сидела, разрываясь между любопытством и желанием сохранить образ взрослой независимой женщины, и, вполне возможно, все же позорно проиграла бы этот бой, когда терминал пискнул, оповещая о входящем сообщении.

Я разблокировала экран. Сообщение пришло на почту – и я не глядя ткнула «удалить», все равно на почту идет один спам. Но внезапно вместо того, чтобы бесследно сгинуть в недрах почтовой корзины, сообщение открылось, мелькнули и стремительно исчезли одно за другим несколько системных сообщений, а потом гаджет добросовестно отобразил значок загрузки.

Что-о-о?!

Что за?..

Что он мне грузит?!

Я торопливо ткнула в иконку отмены, еще раз, и еще – но чертов сюрприз не реагировал. С придушенным писком я дернулась выключить устройство, но вмешались непредвиденные обстоятельства.

Честно, вмешательства арда я реально не предвидела.

Выдернув терминал у меня из рук, он мазнул взглядом по экрану, и не успела я обрадоваться, что пришел сильный мужчина и сейчас спасет деву в беде, как предполагаемый спаситель просто переложил гаджет на другой край стола.

Подальше от меня.

А когда я попыталась вмешаться и забрать свою вещь назад – просто досадливо отвел мою руку.

Я, успевшая привстать, чтобы дотянуться до любимой игрушки в металлическом темно-синем корпусе, озадаченно плюхнулась на свое место.

Ну и как это понимать?..

Невозмутимая физиономия арда как бы намекала – а никак не понимать!

Он жевал мясо, поглядывая на терминал, и явно не собирался ничего объяснять. А когда тот пискнул, оповещая, что ему было трудно, но он справился, мужчина просто забрал устройство и вышел из комнаты.

Ой, подумаешь! Не очень-то и хотелось!

И вообще, это дешевое жилье эконом-варианта, тут слышимость такая, что захоти я, уж нашла бы способ услышать, о чем он сейчас разговаривает! Так подумала я, но не двинулась с места.

Доставать по мелочи нахала, свалившегося мне на голову (хотя, не совсем, конечно, на голову...) – это одно, а всерьез совать нос в дела спецслужб... Оно мне надо? Определенно, не надо.

Он вернулся быстро, когда я еще лениво ковыряла свою порцию. Больше в меня не лезло, но бросить кусок недоеденным совесть и жадность не позволяли.

– Как они тебя нашли? Да еще на моем устройстве... – без особого интереса полюбопытствовала я.

Гораздо больше меня интересовало, лопну ли я по швам, если попытаюсь-таки доест?

– Проще простого, – улыбнулся мужчина, – Как только я воспользовался аварийным способом оплаты, в систему поступил сигнал. Наши отработали платеж и выслали якорь на тот аккаунт, с которого был сделан оплаченный заказ.

- Тебе здорово попадет? - на всякий случай уточнила я, наблюдая, как ард уверенно приканчивает остатки своей порции.

Не то, чтобы я за него переживала, просто любопытство одолело.

- С чего бы? - хмыкнул он. - Аварийная система на то и аварийная, чтобы ею пользоваться при форс-мажорах.

- А за то, что объявился не сразу? - уже всерьез заинтересовалась я.

- Сразу мне было немножко не до того. Время на восстановление энергопотерь зашито в протокол, рыжая. С момента моей экстренной эвакуации системщики мониторили сеть и ждали, пока я проявлюсь. При данных обстоятельствах, моя обязанность - восстанавливаться, в первую очередь. А во вторую - сидеть на... хм... сидеть ровно, и ждать, пока наши за мной явятся. Еще вопросы?

- Никак нет! - бодро отрапортовала я.

- Вот и хорошо! А то это, вообще-то, секретная информация...

- ...которую ты мне разболтал! - жизнерадостно поддакнула я. - Какая там у вас это статья?

Ага, так я тебе и поверила, балабол!

- Самая страшная. Трибунал, расстрел, колесование...

Вот трепло!

Закатив глаза, я сдалась, сунула в холодильник недоеденный стейк, пристроив тарелку поверх чего-то в вакуумной упаковке, мимоходом ужаснулась тому, сколько же ард жрет, и занялась мытьем посуды.

Все честно, он готовил - я убираю!

Ночь прошла... беспокойно. Насыщенно. Жарко.

Под утро я отрубилась, провалившись в сон, как в колодец, а когда проснулась, арда уже не было. Он отбыл так же внезапно, как и явился, оставив после себя приятную сытую усталость, интересную натертость в чувствительных местах и забитый едой чуть ли не на месяц холодильник.

Когда на следующий день на мой адрес уже знакомый курьер доставил шикарный букет цветов в корзине, я не знала, как к этому отнестись.

Глава 2

– Ты даже представить себе не можешь, сколько их у тебя еще будет, таких мальчиков! – строго выговаривала мне мама, переводя в другую школу, когда в третьем классе я увлеклась «неподходящим» одноклассником, задирой и хулиганом Чейзом Бравзом. Но я только рыдала, уверенная, что мама разрушила любовь всей моей жизни.

Права была мама, думала я, тоскливо обводя взглядом макушки своих третьеклашек, склонившихся над учебными терминалами в муниципальной школе города Кронбург.

На третьем курсе всем студентам, претендующим на получение высокого звания «педагог начальных классов» приходилось отбывать обязательную месячную практику, и я тихо радовалась, что она уже подходила к концу.

Нет, я неплохо ладилась с детьми, да и с обязанностями, в целом, справлялась. И если старшеклассники меня бы сожрали, то для младших классов я была авторитетом, но...

Не тем я мечтала заниматься всю жизнь. И чем дальше, тем чаще я думала о том, что тогда, три года назад, в спорах с родителями, мне следовало проявить больше настойчивости, не позволить себя убедить и поступить по-своему.

– У вас осталось пять минут, кто готов – может сдавать работу, – объявила я своим подопечным, и они зашевелились усердней, а рабочий терминал пискнул,

оповещающая о входящих файлах.

Я скосила глаза – внутренняя сеть мигала циферкой «три». Значит, осталось получить еще двадцать две работы.

Таймер на экране учительского терминала обнулится, и я, вздохнув, объявила:

– Всё, ребята, время истекло, сдайте, пожалуйста, ваши работы.

Через несколько дней после эпохальной встречи с ардом, мой терминал порадовал меня входящим сообщением: «На Ваш счет зачислен платеж». Мучимая безденежьем и любопытством, я немедленно сунула нос в банковский личный кабинет и впечатленно присвистнула: даже без стипендии и подработок поступившей от министерства суммы мне хватило бы на полгода, если жить экономно и не позволять себе излишеств.

Дождавшись, пока отстающие отправят свои работы, я подтвердила окончание урока и система выгрузила все сегодняшние материалы в хранилище.

Выйти из учетной записи, выключить терминал...

Последний на сегодня урок закончился, и жизнерадостные третьеклашки, счастливо гомоня, собирались домой. Я занималась тем же, но задумчиво и неспешно. Подождала, пока галдящая стайка вылетит из кабинета, беглым взглядом проверила, не отстал ли кто – и вышла вслед за ними.

В коридоре дети переходили под опеку дежурного воспитателя, а мои обязанности можно было считать законченными. попрощавшись с дежурной и ответив на дюжину: «До свиданья, мисс Келли!» – я, наконец, отбыла домой.

И можно было бы воспользоваться муниципальным транспортом – благо, остановка аэробуса в двух шагах от школы – но после дня в помещении с активными детьми мне хотелось пройтись, чтобы глотнуть свежего воздуха и одиночества. Условно, конечно – откуда бы им взяться в центре города?

Деньги от военных пришли с обтекаемой формулировкой «по социальному контракту номер «джи 48-739». И формулировка эта была удобна тем, что могла

обозначать просто все, что угодно: от помощи старушкам в свободное время до продажи тела для посмертных исследований. Видимо, государство трепетно относилось к праву энергетических доноров на неразглашение данной информации.

В тот же день мой терминал просто атаковали разнообразные сообщения. О предоставлении права на льготное медицинское обслуживание в соответствии с социальным контрактом «джи 48-739», о постановке на учет как потенциального донора, внесении в реестр и присвоении личного номера, о предоставлении мне налогового вычета в соответствии с...

Были еще какие-то сообщения, но мой мозг взорвался, хоть я честно старалась разобраться. Энергетическим донорам предоставлялся жирный социальный пакет, система работала четко и без сбоев – гражданские службы разве что во фронт не вставали, не желая связываться с военкой. Я только головой качала, дивясь подобной оперативности.

Пытаясь выяснить, какие именно блага просыпались на мою голову от государственных щедрот, я основательно порылась в сети и как-то случайно, незаметно от насущных вопросов переползла на поиск информации про ардов.

То ли без сознания я была, то ли поисковик меня попутал...

Тут дело пошло веселее – я хотя бы понимала не одно слово из десяти, как в налоговом законодательстве. Да и вопрос вызывал во мне живейший интерес.

Информации было много. От сетевых баек (вроде той, где какой-то Неукротимый Воин в официальной форме предъявил девушке неотъемлемое право, а она забеременела, стала жаловаться и требовать пособия на ребенка, начались разбирательства и выяснилось, что никакой это был не ард, а половой извращенец, а Неукротимые Воины на Изнанку вообще под временной стерилизацией идут – во избежание подобного рода казусов) до официальной информации из вполне компетентных источников.

В случае опасного энергетического истощения, арда «выдергивает» с Грани к ближайшему наиболее подходящему донору. В сети имелась куча исследований, посвященных тому, как именно природная защитная система ардов определяет подходящесть объекта, но все они, в целом, сводились к тому, что предсказать,

кого именно выберет истощенный Воин, невозможно. Зато исследователи точно установили, кого не выберут – «объекты» с пониженным эа-полем. Ардовский встроенный «радар», нацеленный на восполнение энергии за счет этого поля, их с легкостью игнорировал.

Благодаря исследованиям этой особенности ардовской системы самосохранения из-под воздействия неотъемлемого права вывели замужних женщин, к примеру. Или женщин, состоящих в отношениях, подтвержденным гражданским договором, который, конечно, не брак, но все же чуть больше, чем просто «мы встречаемся». После заключения брака или такого вот гражданского договора, пара обращалась к специалисту для установки специального чипа размером с ноготь, который эа-поле успешно подавлял. Человеку от подобной процедуры никакого вреда не было, а для арда он сразу терял привлекательность как энергетический партнер.

Разумеется, как только были созданы эти чипы, сразу же начались злоупотребления, и нашлись умники, предлагающие за «разумную плату» вшить такой подавитель поля абсолютно любой желающей даме...

Когда таких ловили (как выяснилось, наличие незарегистрированного чипа выявлял любой медицинский осмотр), и исполнители, и потребители услуги огребали сумасшедшие штрафы и понижение социального статуса. Изюминкой на торте были исправительные работы. В случае прорыва с Изнанки, нарушителям ардовского права вменялось в обязанность участвовать в ликвидации последствий. Неконтролируемые прорывы у нас случались не то, чтобы часто, но зато военные вместе со спасателями и другими гражданскими службами регулярно, раз в год примерно, устраивали прорыв плановый. У одних учения, у других отработка действий при чрезвычайных обстоятельствах и подготовка населения, а третьим надо на что-то списать потыренные бюджетные деньги.

После таких «учебных прорывов» оставались разрушенные дома, развороченный асфальт, оборонительные завалы и баррикады. Вот на ликвидацию этих последствий и отправлялись излишне изобретательные и инициативные граждане. И сделано это было, как мне кажется, не для того, чтобы наказать провинившихся тяжелым физическим трудом, а чтобы воочию увидели, к чему может привести их деятельность. Что может случиться с городом и их жизнями, если какому-нибудь случайному арду не хватит энергии.

Потом я вздумала посмотреть фотографии – в сети их было очень много. С парадов, с учений, с церемоний награждения, с самых разных официальных мероприятий. Рослые мужчины, на которых даже гражданская одежда смотрелась формой и красивые женщины рядом с ними. Вздохнув, я закрыла вкладку поисковика – чего лишний раз расстраиваться?

За эти две недели, что прошли с момента получения госпособия, у меня почти созрело решение. Третий курс подходил к концу, оставалась только практика и ее защита, а потом... потом я планировала забрать документы из университета, который выбрали для меня родители, и попытаться ухватить за хвост мечту.

Всю жизнь, сколько я себя помнила, мне удавалось находить общий язык с животными. Остричь на лето пушистую, но нервную кошку? Дать лекарство декоративной собачке? Выгулять здорового кобеля? Я охотно мчалась помогать с любой проблемой. И злобную кошку удавалось задобрить, и страдающую от болей и потому капризную левретку пролечить. А огромный и самодостаточный соседский пес послушно шел у ноги, как пришитый, радуясь возможности погулять без дерганья за поводок хозяина и сюсюканья хозяйки. Лет с четырнадцати ко мне обращались соседи и знакомые, когда им с домашними питомцами требовалась помощь. А с пятнадцати – знакомые соседей и соседи знакомых.

Я была искренне и беззаботно счастлива, и даже нередкие чрезвычайные происшествия, вроде покусов или следов от когтей, не портили мне настроения надолго – я понимала животных, а любимое дело было источником не только положительных эмоций, но и дополнительных карманных денег.

К сожалению, собственных родителей я понимала гораздо хуже, и их решение отправить меня учиться в педагогический стало для меня неприятным сюрпризом.

– Какая ветеринария, о чем ты? – отмахнулась мама, когда я попыталась протестовать. – Тебе нужна уважаемая профессия!

Попытки сопротивления, бессистемные и эмоциональные, окончившиеся полным и обидным провалом, гнев, отрицание, торг, депрессия, принятие.

Я смирилась – и вот уже на третьем курсе педагогического университета.

И пусть удовольствия от учебы я не получала, но для перемен созрела только сейчас. После встречи с ардом.

Вообще, я старалась поменьше о нем думать. Запретила себе вспоминать безумный вечер и ночь, и как тяжелое мужское тело вдавливало меня в матрас, а мое собственное вытягивалось в струнку и извивалось от удовольствия, как блестела от пота его кожа, а щетина царапала нежную, чувствительную мою, как хриплое дыхание обжигало, а властная уверенность – заводила.

Не вспоминала чувство юмора и снисходительную терпеливость. Ежик волос и насмешливые глаза. Жадный рот. Шершавые ладони. Старые шрамы, на которые я случайно натыкалась то и дело...

Не думала. Не страдала. Не беспокоилась.

Вот еще! Делать мне больше нечего, что ли? Я не собиралась привязываться к кому-то за одну-единственную ночь.

Не переживала.

И уж точно ночью перед сном не прокручивала в фантазиях происшедшее!

Я хмуро пнула носком «учительской» туфли (классические лодочки, респектабельный каблук, строгий черный цвет) попавшийся под ноги мелкий камешек.

А пропади он пропадом, этот ард!

Ну, сколько можно, а?!

– Мужика тебе надо! – сказала бы на это подружка Клара, если бы знала.

Но она не узнает. И никто не узнает. Желания делиться произошедшим не было абсолютно никакого.

И – спасибо, мужик у меня недавно был! Два дня натертости сходили.

Непривычные мы к таким нагрузкам-с!

До дома я так и дошла пешком. Свернула в Ту Самую арку, сердито отчитав себя за неуместные воспоминания, добрела до подъезда и остановилась – потому что у подъезда стояла большая черная машина. Стоило мне подойти, пассажирская дверь открылась и из машины вышел огромный, кубообразный мужик в строгом костюме.

– Опаздываете, мисс Келли, – сурово заявил он мне, поглядев на часы.

«Отлично. А я и не знала, что у меня нынче встреча назначена!» – мысленно отметила я, но промолчала, не сделав ни шага, и даже прикинула, в какую сторону буду драпать, если вдруг что.

Черное авто уверенно пожирало загородное шоссе, вырвавшись из лабиринта городских загруженных магистралей. Шины шуршали по дорожному покрытию, и скорость мягко вдавливала меня в комфортное сидение – водитель спешил, и внедорожник прилично разогнался. Я растерянно хлопала глазами, наблюдая, как проносятся мимо обочины, и не могла поверить, что все это происходит со мной.

– Нам нужна ваша помощь, мисс Келли, – сказал мне кубообразный человек.

Нет, сначала было не так.

– Вы должны проехать с нами, мисс Келли, – вот что сказал мне человек, позже представившийся Гектором Честером.

Я бы умерла там же на месте, и сердце мое уже малодушно стекло куда-то в район консервативных учительских туфель, когда это чудовище соизволило показать корочки вооруженных сил Единого союза государств.

– Мисс Келли, ввиду сложившихся чрезвычайных обстоятельств, мы вынуждены требовать от вас исполнения ваших гражданских обязательств.

Я сглотнула. Я почему-то сразу поняла, какого рода эти «чрезвычайные обстоятельства» ...

И оказалась права.

Рэя Харди я видела один раз в жизни, но от описания состояния, в котором он находился, у меня сжалось сердце. Столкновение на Грани, неизвестная до того тварь, офицеру Харди пришлось в одиночку держать оборону до прибытия отряда помощи.

– Ситуация критическая, энергопотеря слишком высока, организм тянет энергию из неприкосновенного запаса и сжигает сам себя. Вам придется выполнить обязанности донора.

Я слушала офицера Честера, кусая губы.

– Хорошо. Я... мне нужно собраться.

– Нет времени, – покачал он головой. – Вы можете оставить ключи нашему сотруднику, и он соберет все, что потребуется.

– Нет! – вскинулась я, не желая думать о том, как посторонний человек (посторонний мужик!) перебирает мое нижнее белье и роется в гигиенических принадлежностях.

Нет уж, лучше перетерплю, а в больнице как-нибудь решу! В конце концов, деньги на счету есть, а медсестры – тоже женщины, как-нибудь договоримся.

– Либо, если вас это не устраивает, просто составьте список, и все необходимое вам предоставят, – позволил себе скупую улыбку мой собеседник.

Лучше б не улыбался, право слово. Ну не с его внешностью нервных барышень успокаивать, не с его!

– Я могу позвонить родным? И университет... у меня практика, мне нужно будет как-то это решить, и...

– Да, конечно. Вы можете общаться с кем считаете нужным, вас никто не ограничивает. – Гектор Честер открыл для меня пассажирскую дверь. – Но по дороге. Ситуация действительно сложная.

Внутри черный монстр оказался просторным, с двумя рядами пассажирских сидений, повернутых друг к другу. Два из шести мест были заняты мужчинами в знаменитой форме с золотыми нашивками. Один постарше, с мощной челюстью и серебристым ежиком волос, второй помоложе, с быстрыми смешливыми глазами и породистой броской физиономией завязатого бабника. Переднее место, рядом с водителем, было свободно, а самого водителя за спинкой его кресла я не рассмотрела.

– Здравсти, – неловко поздоровалась я со всеми разом и нырнула в сумку за терминалом.

Полированная черная дверца чмокнула пневмосистемой – это кубообразный Гектор загрузился, устроился рядом с ардами и закрыл за собой дверь. Монстр на колесах тронулся.

По здоровом размышлении, родителям я решила ничего не говорить. Домой я захожу редко, они ко мне и вовсе не навещают. Если же вдруг соберутся – отговорюсь как-нибудь, а созваниваться мы будем, как и раньше.

Квартирная хозяйка весть о моем непредвиденном срочном отъезде выслушала спокойно, согласилась за умеренную плату навеститься и навести в квартире порядок – приборы от сети отключить, продукты из холодильника забрать и что там еще может понадобиться...

Как решать вопрос с университетом, я не представляла.

– Офицер Честер, – помявшись, решила я. – Мне предоставят оправдательный документ для деканата? Так мол и так, отдавалась вооруженным силам, прошу понять и простить...

В конце концов, он сам сказал, что по всем вопросам я могу обращаться к нему и, как я поняла, являлся моим куратором на время всей операции.

У серебристого, до того отрешенно созерцавшего виды за окном, дернулся угол рта. Смешливый поспешно отвернулся. Офицер Честер сидел с каменной физиономией. То ли мой легкомысленный и слегка циничный настрой его глубоко оскорблял, то ли он просто чувство юмора потерял где-то при перелете из столицы в Кронбург.

Я мысленно злобно ухмыльнулась, радуясь реваншу за свой испуг у дома и за всю эту неприятную ситуацию, когда меня хватают, срывают с места, куда-то везут... Даже за то, что я переживаю за мужчину, о котором, по-хорошему, переживать не должна.

Возможно, мне не следовало бы цепляться к человеку, от которого напрямую будет зависеть мой комфорт в ближайшие дни, но...

Меня откровенно несло. Я понимала это сама, но не могла остановиться. Гектор Честер мгновенно был назначен мной виноватым во всех вселенских бедах и катастрофах.

- Вы предпочитаете сохранить конфиденциальность информации о сотрудничестве с вооруженными силами или это не имеет для вас принципиального значения? - предельно вежливо уточнил виновник всех вселенских катастроф, по версии эксперта Линетт Келли.

- Конфиденциально, пожалуйста, - в том же тоне отозвалась я.

- В таком случае, ваш деканат уведомят, что Линетт Келли госпитализирована с острым пищевым отравлением и в ближайшие дни на занятиях присутствовать не сможет. Соответствующие документы вам предоставят. А дальнейшие шаги можно будет обсудить позже.

- Фальсификация! - восхитилась я.

- Если вы являетесь приверженцем радикальной честности, то мы можем предоставить вам другую бумагу. Там все будет написано абсолютно честно...

Вопрос с университетом на этом был исчерпан.

Выбрав в телефонном справочнике раздел «Клиенты», я обзвонила тех, с кем договаривалась о подработках, предупредила о внезапном отъезде, извинилась, предложила помочь с подменой. Разослала всем согласившимся контакты знакомых девчонок, занимавшихся тем же, чем и я. Девчонки были надежнейшие – мы познакомились в ветеринарке, которую посещали с подопечными, и дружили уже не один год, подменяя и страхуя друг друга при нужде, так что рекомендовала я их с легким сердцем.

Написала девчонкам в зверобеседку, предупреждая, что уезжаю, бросая клиентов на произвол судьбы и подруг. Предостерегла того, кто возьмется выгуливать моего любимчика, огромного паравского дога, что он душка, но с ним нужно с почтением. Проблемы с этим парнем начинались тогда, когда «ты выгуливаешь меня, но делаешь это без должного уважения».

Беседка отозвалась пожеланиями удачной поездки и восторженными смайлами от Клары, требующей оставить «сладкого мальчика» ей.

Я со вздохом закрыла беседку, убрала терминал в сумку и села, сложив руки на коленях, как примерная девочка.

– Ну, и что мне надо будет сделать? – спросила я кубообразного офицера Честера.

Все трое мужчин посмотрели на меня с удивлением. Я простодушно уточнила:

– Ну, он ведь без сознания? И как я сумею ему помочь?

– Мисс Келли! – проникновенно отозвался вместо Гектора Честера смешливый брюнет, которого, впрочем, никто мне так и не представил. – Ну скажите, зачем ему сознание? В этом деле достаточно спинного мозга и смазки!

– Ух ты! – восхитилась я радостно. – Так вы смазку с собой и на Грань берете?!

Серебристый отвернулся к окну, но мне были видны лучики смешливых морщин в углу глаз, выдававшие улыбку с головой, брюнет взвился, как укушенный (впрочем, почему как? Я ведь даже знаю, кем укушенный!) и только офицер Честер сидел, словно аршин проглотил и смотрел на меня, будто я нанесла ему

личное оскорбление.

Господи, ну что за жизнь была у человека, если он так и не научился распознавать шутки?

– Когда приедет донор, офицера Харди вернут в сознание и приведут в форму медикаментозно. К сожалению, подобные препараты, как и все стимуляторы, вредят организму, выжигая его резервы, поэтому использовать их без уверенности, что энергозапас арда будет сразу же пополнен, неразумно, – сухо отчитался мой несчастный куратор.

Хм... Может, ему чувство юмора хирургическим путем ампутировали? Или он до меня только пламенных патриотов сопровождал, и у них дурацких вопросов не было?

Бедный – у меня-то их есть!

Я доверчиво взглянула на офицера Честера.

Офицер Честер смотрел на меня бесстрастно, но жажду крови на его лице я и сама прекрасно дорисовала, у меня богатое воображение.

Внедорожник свернул с шоссе, и прямо по курсу показалось здание аэропорта.

Что ж, до столицы лететь два часа, я успею озвучить весь список.

Самолет оказался вовсе не рейсовый, а маленькая частная машинка. Стояла себе скромно на дальней полосе и терпеливо поджидала пассажиров. Летать до этого мне не приходилось вовсе, так что я всю вертела головой, наблюдая, запоминая и впитывая свежие впечатления...

Удобные кресла, тесный, но уютный салон, улыбчивая стюардесса с указаниями.

Нервное волнение перед взлетом, бетонная лента полосы, улетающая назад, момент перегрузки – заложенные уши и вжатое в кресло тело.

Когда мои спутники, дисциплинированно пристегнувшись по команде проводницы, синхронно щелкнули пряжками, я тоже расстегнула ремень.

Обвела их взглядом – смешливый брюнет устроился рядом со мной серебристый сидел напротив и созерцал пейзаж за стеклом иллюминатора, а мой куратор постарался устроиться от меня подальше, по диагонали, но не преуспел. В таком тесном салоне дистанцию толком не разорвешь!

Ну-с, приступим.

– Скажите, офицер Честер, а разве у Рэя Харди нет своей девушки?

Во взгляде Гектора Честера промелькнула смертная тоска. Черная, с прозеленью. Или зеленая, с чернением – но все равно, очень безнадежная.

– Мисс Келли...

– Нет, я не понимаю! А мне важно понять! – и, чувствуя, что офицер вот-вот сдастся, добила: – Нет-нет, я не могу работать в таких условиях!

И Гектор Честер сдался.

– У офицера Харди есть постоянный энергетический партнер, но в данный момент она в отъезде и находится куда дальше, чем вы, а потому было принято решение возить к пострадавшему наиболее энергетически успешного из двух доноров.

– А почему только двух? – мгновенно ухватила я за реплику, сделав себе пометочку на память.

Выходит, я – «более успешный из двух доноров», – подумала я под нудные объяснения офицера Честера. И тут же мелькнуло воспоминание – моя крохотная квартирка, кухня, Рэй Харди, насмешливо блестящий глазами и разделывающий стейк... Как там он говорил? «По силе отклика девушки на феромоны можно спрогнозировать, насколько успешной будет энергетическая связка».

Успешная, выходит, оказалась связка...

– Вы слушаете, мисс Келли? – едко уточнил офицер Честер.

– Да, конечно! – бодро откликнулась я. – Вы сказали, что в случаях, когда система воина существенно ослаблена, наиболее качественной оказывается уже состоявшаяся связка, со знакомым и желательно недавним партнером, потому что...

Я вздернула брови, глядя на офицера вопросительно – до сюда он еще не договорил, а сама мысленно возблагодарила три года студенчества, научившие меня неоценимому навыку – не терять мысль лектора, даже думая о своем.

– Потому что, так сказать, первичная «калибровка» и настройка ваших энергопотоков друг на друга уже была произведена и не успела расшататься, – сурово закончил куратор.

Он явно надеялся, что я, пойманная на невнимании, смущенно отстану.

Да конечно! Я бы, может, и отстала, но у меня имелось еще полное лукошко вопросов.

– А отчего офицера Харди не выбросило с Грани к подходящему донору, как в прошлый раз?

Ответил мне на этот раз серебристый. Он говорил, аккуратно подбирая слова, и мне вдруг стало как-то... жутко, что ли? И отчаянно не хотелось знать, что там, на Грани, произошло. Но поздно, я уже задала вопрос, и серебристый уже рассказывал:

– Экстренная эвакуация – это один из многих механизмов самосохранения, свойственных нашей расе. В момент, когда пребывание на Грани становится затрудненным из-за сниженного уровня энергии, срабатывает нечто вроде встроенного пеленга. Он находит в мире наиболее подходящего энергопартнера конкретному арду именно в данный момент, каким-то неизвестным образом считывая данные об объекте, и как бы «якорит» его. При этом учитывается множество параметров: от логичных, вроде того, что объект должен быть один,

до необъяснимых. Потом между ардом и донором натягивается, образно говоря, струна. Хотя больше это похоже на растянутую пружину или эластичную нить, которая сокращается и выдергивает воина к донору. Ни объяснить, ни повторить механизм этого процесса никто пока не может, хотя исследования ведутся, – он скупно улыбнулся мне, и я послушно кивнула, поняла, мол.

А седой продолжил:

– Это все происходит хоть и быстро, но не мгновенно. И бывает, обстоятельства складываются так, что воин слишком быстро теряет большое количество энергии. Иногда – в результате атаки твари или полученной раны, иногда – слишком вложившись в свою собственную атаку. И тогда на формирование струны энергии просто не хватает. Рэю повезло, помощь подошла быстро и успела отбить его раньше, чем... Чем ему были нанесены физические повреждения.

Я оценила деликатность. Он явно имел в виду что-то вроде «раньше, чем его начали жрать».

Чертова Изнанка! Чертовы твари! Я судорожно искала тему, на которую можно перевести разговор, заслонить ею тень того страшного, отчего мне так отчаянно хотелось спрятаться с того момента, как увидела у своего подъезда черный внедорожник.

– А почему, когда ард берет энергию, у донора ее не убывает? – вспомнила я вопрос, на который не нашла ответа в сети. – Ни переутомления, ни истощения, ни упадка сил...

Гектор Честер вздохнул так, будто его вели на эшафот.

– Мисс Келли, скажите, вот вы тепло выделяете всем телом, – пришел ему на помощь смешливый. – Так?

– Ну... так, – настороженно согласилась я, пытаюсь сообразить, в чем тут подвох.

– А если за вами будет ходить кот, который об вас греется, то есть, ваше тепло использует, много вы от этого потеряете?

– Ага... то есть, вы хотите сказать, что энергия, которую используют арды, мною уже отработана и мне уже не нужна?

– В целом, верно. Но есть нюансы. Если вытягивать слишком много, то можно все же вызвать истощение. Аналогия тут уже будет не с котом, а... – Он задумался, подбирая сравнение. – Как если человека обложить глыбами льда, которые будут греться об него. Можно замерзнуть.

– Именно поэтому, – вмешался куратор Честер, пока я не успела испугаться и устроить истерику в духе «Не хочу-не буду!», – вам прикрепят медицинский датчик, отслеживающий состояние вашего здоровья и будут внимательно следить за показаниями. Не пугайте девушку, – попросил он своего соседа. – Состояние Рэя Харди пусть и серьезно, но не настолько, чтобы существовала угроза здоровью донора.

А потом он пояснил уже для меня:

– В подобных случаях никто просто не взял бы на себя ответственность привлекать гражданское лицо. Всегда есть контрактные доноры, получающие за свои услуги весьма приличное содержание и социальные гарантии.

Всё же, куратор Честер – мужик. Я бы на его месте уже вовсю пугала донора возможными последствиями и страшными муками, чтобы сидела молча и боялась, не доставая серьезного человека, а этот, смотри-ка, терпит, да ещё и успокаивает!

Я благодарно улыбнулась и решила, что всё – последний вопрос, и дальше молчок! Очень уж мне любопытно было.

– Скажите, а почему офицера Харди мои соседи не заметили? – спросила я и непроизвольно насторожилась, когда серебристый, про которого я успела почти забыть, вдруг повернулся в мою сторону.

И сразу стало заметно, что вовсе он не серебристый, а седой, полностью седой, а еще – какой он огромный, и массивный, и сейчас, когда концентрированное внимание арда было направлено на меня, от его присутствия становилось попросту жутко. Смешливый же, до того вольно раскинувшийся в кресле, вдруг отвернулся и уставился в иллюминатор с невинно-незаинтересованным видом.

– Ну и что это означает? – с вызовом спросила я, не понимая, чем спровоцировала подобную реакцию.

– Клизму это означает. Ведерную, чтобы мозги промыло, – проворчал серебристый, выходя из режима «всех убью, один останусь» и становясь тем, кем мне изначально показался – спокойным, основательным и уравновешенным мужиком.

– Согласно инструкции, при аварийном выбросе с Грани, воины-арды должны переходить в режим жесткой энергетической экономии. Но наши же балбесы благородные. Они ж не могут скомпрометировать бедную девушку перед соседями!

На этих словах я начала сдавленно хихикать – судя по реакции смешливого, подобным и впрямь грешило по крайней мере большинство ардов, тем самым ввергая свое суровое начальство в печаль.

И в седину, возможно, тем же ввергая.

– Словом, этот обалдуй из последних резервов поставил маскировку, и таким образом абсолютно бессмысленно нарушил два пункта устава, приказ командования и мое личное устное распоряжение.

– Вот вы хихикаете, мисс Келли, – проворчал темноволосый ард, – А между прочим, если бы Рэй не закрылся, вы бы стали предметом обсуждений номер один. Вам бы это понравилось?

– Не очень. Но... простите, как к вам обращаться?

– Дэниэл Коргс, – буркнул он, явно задетый моим отношением к благородным порывам ардовской души.

– Так вот, мистер Коргс, мне бы это не очень понравилось, – с достоинством продолжила я. – Но у меня, чтобы вы знали, есть рот. И я умею им орать!

И, насмешливо глядя прямо в глаза арду, завершила свою мысль:

– Так что нет, болтливых соседок я не боюсь.

Глава 3

Самолет оказался в воздушном пространстве столицы даже не через два часа, как я ожидала, а примерно через полтора. Я успела съесть ужин, принесенный улыбчивой девушкой, посидеть в сети в поисках информации, сыграть сама с собой в онлайн-игру...

И вот уже я спускаюсь по трапу, у которого нас поджидал черный внедорожник – брат-близнец того, что вез нас в Кронбурге.

Я загрузилась в него со смешанными чувствами. Кажется, меня наконец-то накрыл мандраж.

Стараясь дышать ровно и глубоко – так, чтобы выветрить из головы лишние мысли, я смотрела в окно и ничего особо не видела. Столица проносилась мимо – и оставалась вне поля моего внимания.

Опомнилась я, только когда автомобиль замедлил ход, да и то скорее от удивления. Я ожидала, что меня привезут в медцентр, а тут... Явно обычный жилой дом. Ну, район с виду престижнее, чем у родителей и, тем более, у меня. Но ничего выдающегося...

Я растерянно вертела головой, пытаюсь сообразить, где здесь могут лечить болящих ардов, но долго осматриваться мне не дали.

Подземная парковка, замки, реагирующие на прикосновение личного браслета седого арда, скоростной лифт, лестничная площадка.

Сердце панически ухнуло в пятки, когда серебристый открыл дверь одной из квартир и предложил мне проходить внутрь.

Куда меня привезли, и, главное, что со мной будут делать?!

Беспокойство не успело разрастись до паники. Из недр квартиры выглянула молодая женщина в медицинской форме и окинула нашу скульптурную группу взглядом через открытую дверь:

– Привезли? Молодцы! Чего ждем?

И я почему-то сразу успокоилась – наверное, от этого характерного властно-деловитого тона, каким часто разговаривают с пациентами опытные врачи – и шагнула вперед.

Это действительно оказалась обычная жилая квартира, только в просторной комнате, на столике перед диваном стояли невнятного назначения приборы, над ними был развернут пустой пока трехмерный экран, как в кино о врачах, а на самом диване, застеленном одноразовой стерильной простышкой, лежал небрежно брошенный пучок датчиков.

Я снова остановилась, растерянно обводя комнату взглядом. Пара кресел, в одном из них, ближнем к дивану, что-то делала молодая девушка в медицинской форме – наверное, медсестра. На ее руках были робоперчатки, похожие на игровые, только без яркого тюнинга. Она чуть заметно шевелила пальцами, сосредоточенно глядя перед собой, на мониторы приборов на столике. От ее манипуляций голографический экран над столом оживал, заполнялся таблицами, которые сменялись столбиками цифр и графиками...

– Парни, на кухню, – скомандовала старшая из женщин. – А ты, Дэн, вообще можешь быть свободен.

Мужчины без возражений скрылись с глаз, и доктор повернулась ко мне.

– Здравствуй, Линетт. Присаживайся. Ты не против, если я так, по-простому?

Я с облегчением кивнула и села на указанный диван.

– Я доктор Эдна Лисовец, личный врач офицера Харди. Это Нита, моя медсестра. – Девушка подняла голову от мониторов и бегло мне улыбнулась. –

Сейчас мы с Нитой проведем предварительный осмотр, если ты не возражаешь, а попутно просто побеседуем. Если у тебя есть какие-то вопросы – смело задавай.

Я не возражала и, пока медсестра, попросив раздеться до белья и уложив на диван, крепила ко мне датчики, воспользовалась любезным разрешением:

– А почему мы не в больнице?

– А зачем? Физических повреждений у Рэя практически нет, пара ушибов и царапин не в счет. Энергетическая оболочка тоже не требует вмешательства и начнет восстанавливаться сразу, как только энергетический баланс восполнится. В таких условиях держать его в больнице – только девушку дополнительно нервировать. – Она легко мне улыбнулась. – Так, Нита, что так долго?

– Датчик соскакивает, – пробормотала медсестра, действительно, долго воевавшая с одним из них, но потом все же, победившая строптивую технику.

– Медосмотр после прошлого контакта, случайно, не проходила?

– Нет, а должна была? – растерялась я.

– Нет, не должна, – успокоила меня доктор. И пояснила: – Ну, а вдруг бы да? Тогда я бы просто попросила у тебя эти данные с медкарты... А теперь расслабься и лежи.

Она чем-то щелкнула, на столе мерно загудело. Осмотр начался, сообразила я, хотя никаких изменений не почувствовала.

Нита взяла с кресла медицинский портативный сканер и принялась водить им вдоль моего тела, внимательно глядя на экран, пока датчики считывали свою загадочную информацию и отсылали ее доктору Лисовец.

– Тут порядок, – отчиталась Нита, и вставила сканер в гнездо.

С тихим писком он сконнектился с базой и начал передавать медицинскую информацию основному модулю с тем, чтобы после расшифровки заархивировать сведения и переслать их пользователям. В том числе – на мой личный браслет, как лицу, имеющему право доступа.

– Тебя предупредили, о том, как все будет происходить? – уточнила доктор.

– Да, что-то такое мне сказали, про спинной мозг и смазку, – пробормотала я, краснея.

Балда ты, Ли! Надо было не про его подруг расспрашивать, а организационные моменты прояснять!

– Вот придурки, – в унисон со мной вздохнула доктор. – Солдафоны. Все шутки вокруг одного органа вертятся... Да и мысли там же!

Нита рядом со мной согласно хмыкнула и негромко уточнила:

– Удобно? Ничего поправить не надо?

Я помотала головой – спасибо, все нормально – и повернулась к Эдне Лисовец.

– Сейчас мы закончим осмотр, убедимся, что предстоящая процедура тебе ничем не грозит. Затем я введу офицеру Харди стимулятор, и мы оставим вас одних. После этого у тебя будет от пяти до пятнадцати минут, чтобы подготовиться – и, к сожалению, шутка про смазку – совсем не шутка. Скорее всего Рэй будет... – она помялась, – несколько прямолинейен. Не паникуй, пожалуйста, и не ставь это ему в вину – он сейчас все равно, что без сознания. Пока организм не выйдет из критического минимума, он будет только заниматься сексом, есть и спать.

– Ничего страшного, я его таким и запомнила, – храбро отозвалась я, хотя было мне жутковато. Что нужно сделать с сильным, нахальным и веселым мужиком, чтобы довести его до такого вот?

Доктор улыбнулась и продолжила:

– В таком режиме он будет функционировать, пока энергетический баланс не перейдет нижний критический порог. Сейчас мы закончим осмотр, и я дам прогноз по срокам, когда можно ожидать возвращения сознания, но в среднем в таких случаях можно говорить о неделе, плюс-минус.

Я непроизвольно присвистнула. Как-то не так я представляла себе жизнь ардов. Как-то повеселее, что ли?

– После этого ты сразу вызовешь нас. Сразу, Линетт, слышишь? У этих героев есть нелепая уверенность, что они титановые, и требования медиков для них – пустяк, не обязательный к исполнению. Поэтому я заранее обращаюсь к адекватному человеку – как только Рэй придет в себя, мне необходимо будет его осмотреть. Так что будь добра, свяжись со мной и не слушай, что Харди будет тебе плести. Просто прими как данность – в этом вопросе он осел.

Я слушала доктора с каким-то даже умилением. Все же, мужчины – это какой-то отдельный биологический вид. При температуре тридцать семь и пять он будет страдать, как умирающий лебедь, зато про торчащий из легких нож способен заявить – детка, это такие пустяки!

Доктор тяжело вздохнула и продолжила:

– Все это время ты не должна покидать квартиру. Если совсем не вмоготу станет, можно спуститься во двор, но и это не желательно. Ты можешь понадобиться ему в любой момент, и лучше, чтобы энергия поступала без задержек и проволочек, ибо это чревато разбалансировкой и осложнениями. На экстренный случай, на него надет браслет, который следит за жизненными показателями, и если они упадут до критических, мы сразу приедем. Тебе на эти две недели положен такой же – не возражаешь?

Еще бы я возражала! Я буду заперта минимум неделю с маловменяемым мужиком в чужой квартире! Я истово закивала, выражая свое полное юридическое согласие.

– Когда Рэй очнется, – продолжила доктор, – он еще некоторое время будет ограниченно дееспособен и привязан к донору – как правило, это та же неделя с небольшими погрешностями. Плюс восстановление. Твой контракт заключен не на конкретный срок, а «на период реабилитации», так что исполненным он будет

считаться, когда Харди окончательно придет в форму. А теперь давай посмотрим, что у нас со здоровьем...- промурлыкала доктор, и я дернулась от такой резкой смены тона.

- Ого! Ты в профессиональные кормилицы не думала податься? Отличные показатели.

Я бы дернулась повторно – но Нита снимала с меня датчики, сделавшие свое дело, и я воздержалась. Вид у нее был заинтересованный. Я подобрала свою одежду и стала одеваться.

- У нас предыдущий контакт был когда? Ага, две недели назад. Сейчас, пересчитаю... Нет, все верно. – Доктор, увлеченная своими изысканиями, повернулась ко мне, возбужденно сверкая глазами.

- Смотри, Линетт. Реакция на сексуальный контакт с забором эа-энергии, которой и подзаряжаются арды, бывает двух типов. Либо организм реагирует на стресс резким угнетением функции: выработка эа-энергии падает, и плотность поля восстанавливается медленно. Это тип Б, и такие девушки в доноры не годятся, даже если демонстрируют высокую совместимость с конкретным ардом – для их здоровья на постоянной основе это будет просто опасно. А вот у типа А забор энергии стимулирует усиление нужной функции, и плотность эа-поля восстанавливается быстро и без ущерба для организма. Так вот, судя по следовым показателям, у тебя даже не усиление, а скачок – да такой, что сейчас у тебя плотность поля даже выше, чем до забора! По сути, это идеальные показания к карьере эа-донора. А у тебя еще и совместимость высокая... – она зарылась в данные, быстро и уверенно манипулируя перчаткой. – Да и вариабельность должна быть отличная. Если хочешь, я твои гормончики погоняю по тестам и рекомендации напишу?

- Нет, спасибо! – ответила я со смешанными чувствами.

Вроде бы и гордость за родной организм берет, и к доктору благодарность чувствуется, но перспективы как-то все равно не манят.

- Я, пожалуй, от эа-карьеры воздержусь.

Медсестра мазнула меня заинтересованным взглядом, а доктор хмыкнула:

– Ну просто знай, дело это нехитрое, платят хорошо, социальных гарантий отсыплют на всю жизнь. Так что если надумаешь, то не тяни – после тридцати в соискательницы не берут, даже твои выдающиеся данные не помогут.

Я фыркнула – подумаешь!

А раненько, как я посмотрю, у кормилиц пенсия наступает...

– Так, сейчас берем кровь, решаем вопрос с контрацепцией, и всё, ты готова. Ты как предохраняешься?

– Воздержанием, – буркнула я, смутившись.

– Значит, ставим чип, – невозмутимо отозвалась доктор Лисовец. – Это на год. Имей в виду, стрессы и нагрузки могут сократить срок жизни чипа, к концу года поаккуратней. А лучше – не дотягивай и замени через десять месяцев. Во-о-от, умница, молодец, терпи! Отлично! Вот и всё. Нита, зови вояк, скажи, мы готовы!

Вся процедура, не слишком приятная, но и не смертельная, заняла секунд тридцать. Кровь доктор взяла у меня сама, и когда подошли арды и куратор, я действительно уже была готова.

Договор. Объяснения моих прав и обязанностей – до того нудные, что тоска берет. Формальный вопрос – вам все понятно? Мое согласие. Моя подпись на контракте, и три подписи ниже – серебристого, куратора и доктора Лисовец.

– Всё, парни, на выход, – скомандовала Эдна, а у меня сердце оборвалось и нервно сжался желудок.

– Если вам что-то понадобится, мисс Келли, номер моего терминала есть в вашем договоре. Просто загоните его к себе в память и звоните в любое время, когда я вам понадоблюсь, – сказал куратор.

Я кивнула, и дверь за мужчинами закрылась, отрезая от меня кубообразную фигуру Гектора Честера, серебристую макушку так и не представившегося арда и широкую улыбку Дэниела Коргса.

Стало почему-то страшно, наверное, от наконец-то пришедшего понимания, что это всё не шуточки и всерьез, и, более того – вот-вот начнется.

– Ванная здесь, – негромко сказала мне доктор, указав на дверь. – Там есть все необходимое. Готовься.

Всё ясно! Готовиться! Я улыбнулась ей бодрой ненатуральной улыбкой и пошла в ванную.

А как готовиться-то?

Ванная у арда оказалась просторной, не чета моей обувной коробке на съемной квартире. Светлый кафель, интерьер, тщательно созданный дизайнером – стильный, эргономичный... Я повертела головой, пытаюсь сообразить, что от меня требуется, и уже хотела выглянуть и уточнить, что имела в виду Эдна, как зацепилась взглядом за халатик, висящий на вешалке.

Явно новенький, холодного голубого цвета, похожий на те одноразовые, которые выдают в элитных салонах красоты и дорогих клиниках... На полочке рядом с ним стоял пузырек с полупрозрачной жидкостью. Я протянула руку: так и есть. Та самая смазка.

Что ж, логично. Теперь, по крайней мере, ясно, что имелось в виду, подумала я, сбрасывая одежду на пол неряшливой горкой и вступая в душевую кабину.

Душ я приняла быстро, не стараясь оттянуть неизбежное сверх меры. В конце концов, тyani – не тyani, а выполнить условия контракта все равно придется.

Упаковка со смазкой выглядела безобидно: нарядная, розовенькая... Тяжело вздохнув, я взяла ее, решительно открыла крышечку и...

Состав! Точно, я ж состав не прочитала! Торопливо закрыв пузырек, я повертела его и вперилась взглядом в этикетку.

Хм... «Силиконовая, ароматизированная, гипоаллергенная». Спасибо вам, арды, за заботу!

«Согревающая». Да я как бы это... В процессе не мерзну...

«После полового акта смыть». Вот спасибо, а то сама бы я не догадалась!

«Наносить на участки, подвергающиеся трению во время полового акта».

Ладно. Убедили. Наносить – так наносить!

Не давая себе времени струсить, я налила немного многострадальной смазки на ладонку и поднесла к половым губам. Осторожными, гладящими движениями размазала гель по нежной коже, прислушиваясь к собственным прикосновениям, стараясь вызвать те самые, возбуждающие ощущения... Получалось так себе.

Мягкими, ласкающими касаниями я проникла пальцами внутрь, осторожно двигая ими, чувствуя, как проявляется внизу живота обещанное тепло...

Я смыла смазку с рук, чувствуя, как она приятно согревает кожу. Накинула халатик, завязала пояс. Подумала – и выдавила немного смазки себе на ладонь. Растерла.

Хотела было смыть, и попросту взять с собой пузырек, но застеснялась доктора Эдны и Ниты, и оставила все как есть.

Ну, ни пуха тебе, Ли!

Я открыла дверь и вышла из ванной.

Доктор мягко, ободряюще мне улыбнулась, держа в руке шприц с препаратом, и первой вошла в комнату с деликатно прикрытой дверью.

Рэй Харди лежал на кровати – большой, просторной. Назвать ее «двухспальной» было бы существенным преуменьшением.

Доктор быстро и уверенно ввела арду препарат и ушла из комнаты, предварительно напомнив:

– У тебя примерно десять минут. Мы с Нитой ушли, но будем в минутной доступности. Если что – вызывай.

И меня оставили наедине с бессознательным ардом. Через несколько секунд хлопнула и входная дверь.

Я посмотрела на Рэя. Расслабленное тело, вытянутые поверх простыни руки, яркий силикон медицинского браслета на левой, особенно контрастный на смуглой коже...

Острая жалость кольнула в сердце, и я строго приказала себе отмахнуться от нее – с чего бы его жалеть? Он жив, а скоро будет и здоров, и все будет хорошо, а лишняя жалость – она и впрямь, лишняя!

Я аккуратно потянула с него простынку и откинула ее в сторону. Осторожно опустилась на кровать рядом – почему-то меня не покидало ощущение, что грубое движение может причинить ему... боль, что ли?

Глупости, конечно.

Но этого человека, привыкшего быть сильным, было мучительно жалко сейчас.

За эту неподвижность. За беспомощность – даже передо мной. За отсутствие выбора.

Я приподнялась над ним на локте и легонько поцеловала в плечо.

А потом протянула руку и коснулась мужской плоти, легко провела ладонью, размазывая по члену нагретую до температуры моего тела смазку – и улыбнулась, ощутив его отклик.

И правда, что ли, сознание для этого дела не нужно...

Я обхватила ладонью его член, провела по нему сверху вниз, от головки к основанию, растирая смазку и чувствуя, как быстро наступает эрекция, как он наливается силой, как под бархатистой кожицей перекачивается горячая твердость. Смотрела, широко распахнув глаза, и, кажется, возбуждалась от

зрелища собственной ладони на мужской плоти.

«Ты извращенка, Линетт Келли», – сказала я самой себе, зажмурившись, и тут же снова открыла глаза, потому что... Потому что с закрытыми глазами все это – яркое, стыдное, волнительное – ощущалось еще ярче.

Хоть смотри, хоть не смотри – а беспомощное мужское тело, полностью находящееся в моей власти, действовало головокружительно. Мурашки возбуждения пробежали снизу вверх, от увлажненной смазкой промежности к соскам. Они, ставшие обостренно чувствительными, терлись о ткань халатика, и между ног стало горячо не только от согревающего лубриканта...

Я отвернулась от арда только на минутку, отвлеклась снять забытый халат, а когда потянулась бросить его на тумбочку – сзади меня сгребли в охапку.

Я испуганно охнула, неизвестно чего ожидая, но широкая ладонь смяла мою грудь – грубовато, но приятно. Еще миг – и я оказалась на спине, а массивное тело навалилось сверху, загородив свет. Колено втиснулось между бедер, и я послушно развела ноги, а в следующее мгновение гладкая головка коснулась припухших, возбужденных половых губ, член толкнулся раз, другой, а на третий вошел в меня, скользнув легко, глубоко, сразу – до упора.

Я замерла, отпуская прочь страх грядущей боли и дискомфорта, которых так и не наступило, и смаковала это первое проникновение – горячее, твердое... Своевременное.

Хорошо!

Расслабились рефлексивно поджатые мышцы живота, и я чуть согнула напряженно выпрямленные ноги, упираясь ступнями в постель, разводя колени шире.

Толчок!

Толчок, толчок, толчок – мерный, монотонный, как будто во мне был не возбужденный мужчина, а двигался размеренными движениями странный механизм.

Я осторожно, боясь сбить его с настроения, приподняла таз, ища наиболее приятный для себя угол проникновения. Закусила губу. Всклипнула.

Прогнулась так, чтобы ствол его члена касался клитора, лаская скольжением. Сжала внутренние мышцы, легко подаваясь ему навстречу...

Рэй двигался, и я кусала губы. Впивалась пальцами в простыни, чувствуя, что вот-вот, еще немножечко, чуточку, и вот уже оно...

Я почти поймала свой экстаз, когда ард судорожно толкнулся и замер, ломая мой ритм. По его спине пробежала дрожь, я ощутила, как разливается во мне горячее семя и закусила кулак, чтобы не закричать или не стукнуть арда от разочарования. А Рэй обмяк и навалился на меня всей тушей – чтобы, впрочем, тут же откатиться в сторону.

И отрубиться.

И это все?!

С трудом сдерживаясь, чтобы не зарычать, я смотрела на расслабленное тело.

Жалость моя исчезла без следа.

Я с досадой откинулась на постель.

В крови кипело, бурлило возбуждение. Распаленное до крайности, такое, какое не унять просто усилием мысли.

Зло пихнув ногой бревно по соседству, я сдалась, и моя рука скользнула меж ног, пальцы проникли внутрь, а основание ладони надавило на клитор. Я замерла, ловя правильное положение, восстанавливая в памяти ощущения – и в несколько движений ладони подарила себе разрядку.

Расслабленно лежа на кровати, я думала о том, что всё оказалось не так уж страшно.

И даже, в некотором роде, приятно.

На лежащего рядом арда я старалась не смотреть – чтобы не задушить его подушкой, к чертям собачьим.

Нервы-с!

Глава 4

Когда я выбралась из спальни, чтобы посетить ванную, а затем и кухню, то первое, что меня впечатлило и удивило, это тишина. Внутри не проникали уличные шумы, а из соседних квартир не доносилось звуков – свидетельств разумной жизни. Не бормотали гало- и видеопанели, не гроыхала музыка, даже гудения скоростных лифтов и хлопанья дверей – и тех не было слышно. Из любопытства я открыла окно и высунула нос на улицу.

Все в порядке, поздний вечер как поздний вечер – от трассы неподалеку неся уверенный шум двигателей, жизнерадостно и ритмично доносилась музыка из какого-то увеселительного заведения на соседней крыше, и в такт ей подмигивали лучи цветомузыки, а сверху, с небес, то и дело долетал бодрый рокот вертолетов.

Я вздохнула и закрыла окно, отрезая себя от ночной прохлады и запахов.

После. Потом, как все закончится, можно будет разрешить себе задержаться на пару дней, и просто погулять по городу, знакомясь со столицей, и может быть, даже наведаться в парочку заведений вроде того, что разбрасывало сейчас снопы разноцветных лучей в темное, ночное уже небо. А сейчас у меня другие дела.

Мысленно похихикав над тем, как, должно быть, арда покорило вторжение соседей в его частное пространство – после его-то привычки к тишине и конфиденциальности – я пустила воду заполнять огромную ванну, старательно игнорируя батарею пузырьков, баночек и тюбиков на полочке, явно принадлежащих предшественнице. Подняв с пола свои вещи, я закинула их в навороченную стиральную машину с панелью управления, как у космического

шатла. Потом заглянула в холодильник, который кто-то предусмотрительный заботливо заполнил полуфабрикатами. На большинстве из них стояла сегодняшняя-вчерашняя дата изготовления, и я успокоенно выдохнула – значит, точно для меня.

В гостиной царил порядок, нарушаемый разве что сдвинутыми с мест креслами, и не было никаких иных свидетельств того, что недавно здесь был развернут медицинский штаб в миниатюре. Я вернула кресла туда, где они должны были бы, по моему мнению, стоять, подавила любопытство, подмывающее как следует изучить территорию, и вернулась в спальню.

Рэй по-прежнему спал, вольно раскинувшись на животе и обняв подушку. Тяжело вздохнув, я укрыла его давешней простынкой, нашла у него в шкафу чистую футболку, и пошла в ванную, радуясь возможности в кои веки принять именно ванну, а не ополоснуться под душем.

Горячая вода приятно расслабляла и успокаивала – то, что мне было нужно после этого сумасшедшего дня с его непредсказуемыми поворотами. Только сейчас я осознала, в каком жестоком подсознательном напряжении я его провела – и теперь блаженствовала.

Стресс уходил, смываемый с меня вместе со всеми переживаниями, и подняло голову неукротимое, вечное, живучее мое любопытство – жуткая древняя движущая сила. Я подтянулась в ванной, в которую успела сползти по лопатки, и полезла рассматривать чужую косметику.

Да-а-а... Все, что я поняла из своего импровизированного осмотра – нам так не жить. Средств для ухода за телом было много, причем не просто хороших – профессиональных. И стоили они... О, мамма мия!

С полгода назад я примерялась вот к такому вот крему для тела, только на этом стоит пометка «двадцать пять плюс», а на том было «больше пятидесяти» – в подарок маме.

Я тогда помялась и отступилась – дорого. А здесь чуть ли не вся линейка представлена.

Хорошо живут кормилицы ардов!

К этой незнакомой девушке я испытывала что-то, отдаленно похожее на зависть – у нее шикарный мужик с мозгами и чувством юмора. Наверняка щедрый. Уверена, что заботливый – что я, не помню этой небрежной снисходительности, с которой он дразнил, а потом и кормил меня на моей квартире? Такое поведение введшееся, естественное, привычное...

У нее красивая жизнь – безбедная и с возможностью не экономить на себе. Да и сама девушка, наверняка, успешная, красивая – к ардам других не берут.

И вместе с тем, пришло твердое осознание, что это не для меня. Что я не хочу для себя подобных отношений – когда в любой момент из-за какой-нибудь необходимости на твое место могут привезти другую, а тебя даже не посчитают нужным откуда-то доставить. Можно, конечно, рассчитывать на брак, и тогда все иначе, но все равно. Сидеть и ждать, позовут ли замуж – это не по мне.

Ну их, эти контракты. Такие отношения – не для меня.

Я решительно протянула руку и взяла из мыльницы самый скромный кусочек мыла. Брать чужое – нехорошо, сегодня перебыюсь так, а завтра закажу из любого магазина с доставкой всё необходимое.

Не буду же я все две недели у арда футболки одалживать, а у его любовницы – мыло.

Просто сегодня заказывать уже сил нет...

Уходя из ванной, я подумала, да и прихватила на всякий случай с собой флакончик со смазкой.

Права оказалась.

Как чувствовала... хм... ну, пусть будет сердцем!

Ночью Рэй притянул меня к себе, и так мы и спали до утра – перепутавшись ногами, его пятерня в моих волосах, а я – носом в его грудь. И я даже успела бдитительно шлепнуть его по руке, пытавшейся содрать с широкого запястья яркий медицинский браслет.

Утро началось с подзарядки.

«Что ж ты такой активный?» – думала я, уговаривая арда быть хорошим мальчиком и потерпеть, пока я наношу смазку. Да, прям холодную – на самое дорогое, а что ты хотел? Не был бы ты таким торопыгой, я бы ее сперва своим теплом согрела, но кому-то ж невтерпеж!

А потом он скользнул внутрь меня – и мне стало ни до чего, лишь бы успеть поймать свое удовольствие, замершее на кончике чужой плоти, в упоительном размеренном ритме входящей и выходящей из меня...

И в этот раз я не дала ему ускользнуть. Поймала пульсирующее наслаждение. Выгнулась дугой, стремясь продлить его.

И встретилась глазами с абсолютно осознанным серым взглядом.

Только после этого я сообразила, что последние секунды Рэй не двигался, ждал, а широкие ладони бережно поддерживали меня под поясницу... От растерянности я моргнула, прикрыла глаза – и сразу на мои губы обрушился чужой рот, а толчки возобновились, стали яростнее, нетерпеливее, потом замерли, и спина под моими пальцами напряглась. Мужчина надо мной достиг своей кульминации.

Когда Рэй мгновенно уснул после близости, меня куснул изнутри неприятный червячок. Это вообще нормально? Он разве не должен... ну, есть хотя бы?

В душ я ушла с твердым решением, созвониться с куратором, как только искупаюсь – но не срослось.

Звонок на терминал раздался раньше.

– Здравствуйте, Линетт. Это Нита, медсестра доктора Лисовец. Как вы?

– Доброе утро, – обрадовалась я. – Вы знаете, Рэй, кажется, пришел в себя, но опять уснул, и я переживаю, это нормально? Может быть, вы приедете и осмотрите его? И он не ест, и...

– Да что ему станется, – меланхолично отозвалась на мою скороговорку добрая девушка Нита. – Да, мы знаем, что он очнулся, и что опять спит – у нас всё отображается, на нем же датчик. На вас, кстати, тоже, я увидела, что вы проснулись, и потому звоню – узнать, как Вы себя чувствуете, Линетт? У вас всё в порядке? Ничего не болит? Дискомфорта интимного порядка не ощущаете? Возможно, вы волнуетесь? И поменьше вы переживайте за этого арда – поверьте, они живучие, ломом не вдруг убьешь!

Я, прижимая к уху трубку, вдруг рассмеялась, тихонько съехав по стене на пол.

– Извините, Нита, – сказала я своей собеседнице. – Это нервное!

– Верю! – невозмутимо согласилась она, – На этих ребят никаких нервов не хватит! Так нам с доктором Эдной подъехать? Если вы себя не очень хорошо чувствуете...

Я заверила ответственную Ниту, что чувствую себя в пределах нормы, волнуюсь – в пределах ее же, и, свернув разговор, решительно полезла в сеть.

Нет, за ночь мой костюм постирался и успел просохнуть, и если что – поглажу и переоденусь, но не две же недели мне в нем ходить?

Вольно развалившись валетом на постели рядом с Рэем (надолго отходить я боялась) и закинув ноги на шикарное резное изголовье (увидела бы мама – убила бы!), я набросала список покупок и открыла приложение одного популярного сетевого магазина, славного умеренными ценами и торговыми точками чуть ли не по всему миру.

Ну-с, что тут у нас первым пунктом?

Белье, и побольше...

Покупки заняли меня ненадолго. Вычеркнув последний пункт из списка, я обнаружила, что прошло всего два часа, а дел у меня совершенно никаких. Я немного походила по спальне, прикидывая, где бы тип вроде Рэя мог хранить утюг. Ничего не придумала, а шарить по полкам и кладовкам в чужой квартире постеснялась и заказала в сети новый. Ну а что? Через две недели домой заберу,

память будет...

Я покрутилась вокруг навороченной модной галопанели в спальне, но не смогла запустить. Было искушение набрать куратора, имевшего неосторожность разрешить мне звонить ему по любому вопросу, и пожаловаться, что не могу включить гало – но не вовремя вспомнила, что обещала себе не третировать человека по пустякам.

Чат с подружками вогнал в тоску – говорить им честно, где я и что делаю, было выше моих сил, а врать не хотелось.

Разговора с родителями хватило на три минуты, и я трусливо закончила его: «Ой, я в школе, не могу больше говорить!»

Тишина чужой квартиры больше не казалась уютной. От мысли, что я заперта здесь на две недели, и именно так они и будут проходить, пока не очнется хозяин, и еще не известно, как он меня воспримет, когда очнется, подкатывала такая тоска – хоть вой.

Еще почему-то снова стало жалко Рэя. Бедненький, лежит, сам даже о самом необходимом для себя позаботиться не может, и все за него решают другие. Даже батарейку ему дорогие коллеги привезли не ту, даже в этом права выбора он был лишен... И до того я себя накрутила, до того расчувствовалась – просто слезы подступили.

Я подкатилась к неподвижному арду под бок, обняла его за руку, погладила мощное плечо, твердый бицепс.

Бедолага! Ничего, все будет хорошо!

Я шмыгнула носом, и бог знает, до чего бы дошла в этом остром приступе жалости к себе и арду, как ожил терминал, бодрой трелью разогнав слезливую тишину.

– Я у подъезда, открывайте! – деловито сообщил в видеофон мальчишка-курьер, гоня жвачку со стороны в сторону.

И вот тут-то я вдруг спохватилась, что кода не знаю и спросить не позаботилась, а значит, открыть дверь могу только с браслета, и нужно выйти из квартиры – в школьном костюме, который я не удосужилась ни погладить, ни надеть заблаговременно. И еще большой вопрос – а смогу ли я вообще дверь открыть? Вдруг, мне допуск не предоставили?

Вдруг, какой-то сбой в системе?

Вдруг...

Я заметалась по квартире, торопливо вставляясь в мятый костюм, разыскивая свою обувь и нагнетая панику.

Адреналин! Драйв! Кипеш!

Вылетая из квартиры, захлопывая дверь на ходу и вскакивая в лифт, я вдруг попыталась вспомнить, из-за чего только что разводила вселенские страдания.

По всему выходило – из-за врожденного идиотизма!

Важный лифт торжественно открыл створки, выпуская меня в подъезд, и я торопливо сунула руку с идентификационным браслетом к замку.

Тот подумал – и мигнул зеленым огоньком.

Фу-у-ух! От сердца отлегло!

Теперь другой вопрос – а стоит ли приглашать посыльного в квартиру?

А то мало ли...

Я представила, как мы с парнем поднимаемся в квартиру, я впускаю его внутрь, и тут в коридор выплывает Рэй – голый, не проснувшийся, на автопилоте, но... э-э-э... с зарядным устройством в полной боевой готовности.

Не смущаясь присутствия таких незначительных деталей пейзажа, как посторонний пацан (а чего смущаться? Дело-то житейское! И вообще, он не проснувшийся!), он ставит меня в позу и начинает... ну, скажем – заряжаться.

Или еще лучше – ард, даже не просыпаясь, чужака регистрирует и сперва ломает ему спину, а потом уже – в позу...

Где-то на красочной картине мертвого тела на полу и произвольных попыток сообразить, как от него избавиться, чтоб не спалиться (ард же не проснувшийся, значит, всё самой, всё самой), я поняла, что вопрос следует ставить совершенно иначе – а хочу ли я, блин, вообще кого-то в эту квартиру приглашать?

Бог его знает, что подумал курьер о рыжей встрепанной девице, выдравшей у него из рук пакеты с заказом и торопливо черкнувшей браслетом по платежному терминалу даже без проверки, а после захлопнувшей дверь перед носом. Я вот и думать об этом не хочу!

Я устало привалилась спиной к стене.

Ты, Ли, с ума сошла! Рехнулась от нервов и безделья.

Что это вообще за номера?

Сначала слезливое нытье. Теперь вообще первостатейная дурь...

Значит так. На этаж – пешком. Никакого лифта! Ограниченная подвижность плохо на тебя влияет, моя дорогая.

После суровой отповеди, устроенной самой себе, я вся подобралась, посерьезнела и ощутила острый прилив желания стать лучше. Совершеннее!

(Хотя, казалось бы, куда уж еще? А вот поди ж ты!)

И чуть ли не строевым шагом отправилась на покорение лестницы, гадая, насколько этажей хватит моей жажды самосовершенствования.

Хватило на три.

На лестничной площадке между третьим и четвертым этажом я замерла от зрелища, которого никак не ожидала здесь увидеть. В блестящей столице, в благополучном, сытом районе, в далеко не бедном и не дешевом доме, на ухоженной и вылизанной лестничной площадке, в углу за кадкой с цветком непонятной видовой принадлежности, на свалывшейся тряпке, обросшей шерстью и сором, обнаружилась кошка самого что ни на есть улично-помойного вида. За ее спиной, настороженно забившись в щель при моем приближении, светили на мир изумленными глазенками котят примерно двухмесячного возраста.

План самосовершенствования был моментально забыт.

Ну, в самом деле, я и так хороша, к чему перегибать?

Мне сейчас в квартиру надо быстрее и коробку найти. А в холодильнике я видела копченость – нужно будет сунуть в коробку, чтобы животное меньше паниковало, пока я его переносу. И подстилку забрать. А лоток, лежак, миски и корм чуть позже закажу. И шампунь. И надо почитать, с какого возраста котят можно от паразитов обрабатывать, а то я подзабыла уже. И...

И я отмерла, взлетела по лестнице до четвертого этажа и вызвала лифт.

Надо найти в сети местные сообщества любителей животных, а то может статься так, что на память с собой я заберу не только уют. А все кошачье семейство – это слишком много для меня, и хозяйка сразу сказала, чтобы никаких животных в ее квартире, так что мне, возможно, сразу по возвращении жилье придется менять.

Я взбодрилась, бочком выбираясь из лифта и цепляясь за все подряд пакетами, которые у меня в руках спокойно вести себя не желали и топорщились во все стороны – не то, что у мальчишки-курьера.

Кажется, у меня внезапно сама собой организовалась насыщенная, полноценная жизнь, в которой мне просто некогда будет хандрить!

Квартира встретила меня привычной уже тишиной. Пакеты – в угол, заглянуть в спальню – Рэй, слава богу, спит и не подозревает, какой сюрприз готовит ему

залетная батарейка.

Ну и хорошо, что не подозревает, ему это и не к чему! Как говорится, меньше знаешь – крепче сон!

Я бодро проскакала на кухню, только сейчас сообразив, что в чужой квартире коробку вряд ли найду. Ладно. Придется свинским образом лишить Рэя одного полотенца. Но я его потом постираю, честно-честно!

Переселение кошачьего семейства прошло успешно, и ни одно полотенце в процессе серьезно не пострадало.

Вернувшись, второй ходкой я забрала грязную ветошь, подстеленную кем-то сердобольным – кошке будет спокойнее, если на новом месте у нее будет знакомая, привычно пахнущая подстилка.

Интересно, почему добрая душа, позаботившаяся о подстилке, просто не забрала кошку к себе домой? Или, если уж забрать нет возможности, а кошку жалко, не позвонила в приют для бродячих животных? Они бы сами приехали, забрали, подлечили, если нужно. А там...

Я, конечно, тоже не позвонила, хоть и живу в чужой квартире на энергетических правах – но я без дела просто рехнусь тут. Вон, уже странные мысли посещать начали – того и гляди, начну в глухой тишине слышать вкрадчивые голоса, предлагающие шагнуть в окно.

Лежку я обустроивала с таким расчетом, чтобы она была незаметна из любой точки гостиной (а особенно – от дверей спальни). Мало ли... Не оставляло меня смутное подозрение, что очнувшийся ард может без понимания отнестись к моему самоуправству... Воображение рисовало яркие картины, как пришедший в себя Рэй обнаруживает внезапные перемены в жизни и избавляется от них посредством пинка под попу. Пострадавшей попой выступала моя, так что к процессу маскировки я подошла вдумчиво, с полной отдачей. Чем позже он заметит – тем спокойнее (и дольше) будет моя жизнь.

Любовно поправив кресло так, чтобы оно как можно лучше перегораживало обзор, я закинула полотенце в стирку, запустив режим посуровее. Потом вымыла руки, сменила многострадальный костюм на спортивные брючки и футболку из

числа обновок и с чувством выполненного долга завалилась на кровать рядом с Рэем.

Где там мой терминал? Мне предстоит много-много приятных покупок!

Закончила зоологический шоппинг я не скоро. Вот странно, себе одежду оплачивала – над каждым платежом мысленно рыдала, так жалко денег было, а когда на сайт с товарами для животных залезла – еле остановилась. Кому-то чужая душа – потемки, а мне и моя собственная – тёмн лес.

Сунув терминал в надежное и безопасное место – под кровать, я повернулась к Рэю.

Ард всё больше и больше начинал мне нравиться.

Когда болел мой папа, нам с мамой малодушно хотелось сбежать из квартиры с воплями и не оглядываясь. Папа болел редко, но в такие периоды становился совершенно невыносим. А этот тихо спит, не мешает... Идеальный мужик!

Улыбнувшись глупой шутке, я осторожно погладила Рэя по руке.

Пока я скакала бодрой козочкой за покупками, а потом с кошками, он успел перевернуться, и теперь лежал на спине. Темная щетина проступила на лице, обозначив глубокими тенями скулы, породистый нос заострился, да и все черты лица стали как-то резче, что ли. И круги под глазами сделались виднее...

Я тихонько вздохнула и, потянувшись, погладила небритую щеку.

Бедный ты мой, бедный!

К сердцу опять подкатила жалость, только не тоскливая, как утром, а щемящая. Меня затопило какой-то болезненной нежностью. Не выдержав этого острого сострадания, я потянулась и поцеловала его, потерлась лицом о плечо, погладила широкую твердую грудь. И тихонько пискнула, когда мою руку накрыла шершавая ладонь. Сжала пальчики, погладила большим пальцем чувствительное местечко на запястье, нежно провела по центру ладони...

Я посмотрела на Рэя и встретилась с его взглядом. И сама потянулась ему навстречу, прижавшись к мужчине грудью.

Он принял мой отклик и притянул меня к себе, усадил на бедра, и я заерзала, ощущая прикосновение твердеющей плоти через одежду. Качнулась поцеловать Рэя, но он отвернулся, и это почему-то ужасно развеселило – он что, нечищенных зубов стесняется, что ли?

А потом мужские руки легли мне на грудь, сладко сжали полушария, и мне стало не до смеха. Горячий водоворот разворачивался медленно, но уверенно, затягивая меня с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yasnaya_yana/batareyka-dlya-arda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)